

Иван Быков

Путь Аграфены

Иван Быков

Путь Аграфены

«Автор»

2026

Быков И.

Путь Аграфены / И. Быков — «Автор», 2026

В небольшом городке, который – конечно же – является частью огромного мира, свершилась беда. Убежала девочка. Не такая уж это и беда, скажете вы, но такое случилось в городке впервые. Искали ее охотники, искала ее почтенная матрона – «царица». Отец и мать ее искали, Ведьма тоже найти не смогла. Обратились к горному колдуну, так и он оказался бессилен. Пираты, таинственные помощники, черные враги. По морям, по островам, по ядовитым лабиринтам, по кручам и низинам – везде была Аграфена, все увидала. Романтика многих миров, торговых площадей, искусных ремесел и кровопролитных войн, магия и мечи – все это в одном рубиновом бокале из лучших погребов Агадира. Но вот однажды «Путь Аграфены» - это взрослая повесть для детей и детская сказка для взрослых. Или наоборот? Решать читателю. Иван Быков продолжает радовать любителей интеллектуальной прозы.

© Быков И., 2026

© Автор, 2026

Иван Быков

Путь Аграфены

ПУТЬ АГРАФЕНЫ

Глава 1. ИМЯ

*«Пифагор намекает, что имена [вещам]
дает душа, которую надо отличать от ума».
«Антология философии»*

*«Так и похоронил их Конал
в одной могиле и положил один камень,
на котором письмом огама
начертал их имена».
«Смерть Кухулина»*

Итак, эта история началась в одном маленьком городе...

Жила в городке одна маленькая (под стать городку) девочка. Обычная девочка, как все: в меру симпатичная, в меру кокетливая, в меру смышленная. И не в меру егоза.

Родители не особо баловали дочь, но при желании (а возникало такое желание довольно часто) девочка могла баловаться и сама, без родительской помощи.

Она бегала в одиночестве по лугам, ловила бабочек, пускала в многочисленные местные речушки бумажные кораблики. Забиралась в леса так далеко, пока страх не накатывал приятной волной, и тогда стремглав бежала на знакомые поляны, хрустя хворостом под ногами. Собирала гербарии, лазала по деревьям, пыталась погладить лис – в общем, совершала все возможные баловства, присущие детям ее возраста.

А возраст у нее был самый замечательный: пять лет и одиннадцать месяцев. Почти шесть.

Самым важным человеком в семье была бабушка. Звали бабушку Анастасия Егоровна, и все-все вокруг держалось на ней. Анастасия Егоровна выстроила семейный лом, благополучно довела мужа до беспробудного пьянства, а потом проводила в последний путь. Чуть поплакала, но не в ее традициях было расслабляться. Чуть расслабишься, и тут же власть в доме уведут из опытных рук многочисленные зятя, дядя и невестки.

Злые языки твердили, что смерть ее мужа, – это порча или сглаз местной ведьмы, с которой Анастасия Егоровна вступила в преступный сговор. Но весь городок относился к Анастасии Егоровне с глубоким уважением. Все понимали, что почтенной матроне хватило бы собственной мощи, чтобы лишить мужа жизненных сил, и никакие ведьмы были бы ей для этого не нужны.

Так что даже кумушки-старушки на завалинках никогда не называли ее фамильярным «Егоровна». Только «Анастасия Егоровна».

И даже грубые, в недавнем прошлом деревенские, мужики пытались заменить имя-отчество обращением «Госпожа», да с поклоном. Однажды Егоровна раздраженно метнула в очередного такого ловеласа-льстеца живой курицей. Курицу потом вернули, но яйца-то остались.

А вот местную ведьму тут не чествовали. Во-первых, никто не знал ее имени. Вернее, предыдущего имени. Теперь-то ее звали не иначе как Ведьма.

Во-вторых, жила она одна (что в городке принимали за большущий недостаток, за душевную хворь), на отшибе, в последней хате, за рекой. А там как бы уже и не городок вовсе. Так, окраина.

В третьих, она молчала, не разговаривала ни с кем, смотрела на людей из-под полы шляпы.

И шляпа ее, и альба, которая когда-то была белой, и заплечная сума теперь впитали пыль многочисленных дорог. Это в-пятых, десятых, двенадцатых..

Но ведьму терпели: она врачевала, принимала роды, предсказывала урожай. Вела себя тихо, пусть и была нелюдимой.

Девочке настало время получать имя. Трижды девочки получали имя в этом городке. Традиция завелась давно, никто не помнил ее истоки, а потому никто и не оспаривал, и наперекор не шел.

Рождалась девочка просто Девочкой. Лес, звери, насекомые и всевозможные хвори – все это служило теми порогами, через которые лодке Девочкиной жизни предстояло нестись шесть лет. Не каждая добиралась. Но, добравшись, получала имя...

Теперь нужно было привыкнуть носить это имя, потому что в двенадцать лет муж давал имя новое. И, наконец, с рождением сына она торжественно получала имя третье, окончательное. И только уйдя на покой, старуха становилась просто Старухой. Одна лишь Анастасия Егоровна имела такие права: именоваться именем-отчеством.

Исполнилось шесть лет. Пора было приступать к таинству. Анастасия Егоровна обрядилась в пышные одеяния, подобающие случаю, и торжественно, в сопровождении свиты, явилась в дом.

Было раннее утро. Даже не утро еще – только первые его предвестники, лучи. Но народу собралась целая уйма. В дом, конечно, пустили не всех. Толпа заплонила огороженный заборчиком участок. И расположилась за забором.

Девочке было тревожно, волнительно и страшно. Грузная тетка в высоком головном уборе проникла сквозь дверной проем чинно и властно. Подол наряда стелился по полу, поэтому казалось, что Анастасия Егоровна плывет по воздуху, вовсе не касаясь ногами земли.

Девочка почувствовала, как коленки гнуться сами собой. Она рухнула в старый ковер, ушибив коленные чашечки. Холщовая ткань ее простенькой рубашонки натянулась и чуть не треснула. Обряд начинался.

- Сколько лет тебе, Девочка? – спросила Анастасия Егоровна, будто бы не зная. Спросила нежно и доверительно.

- Шесть, - ответила Девочка, как ей показалось, смело, почти дерзко.

- Твое имя... - начала Анастасия Егоровна от глубин груди. – Твое имя... - Задумалась на длинное мгновение.

Кто мог поспорить с Анастасией Егоровной? Никто! Отец девочки, было, попытался, но тут же отошел и замолчал под пронзительным взглядом старушечьих глаз.

- Гарафена! - сказала Анастасия Егоровна с порога... И все смирились.

- Встань, - властная старуха потрепала новонареченную по подбородку, развернулась, как разворачивается мельничный жернов, и скрылась темным силуэтом в рассветных лучах.

А свита осталась. Наперебой все бросились благословлять Гарафену, дарить подарки, поздравлять родителей. В мире стало больше на одного человека. И стало меньше на несколько сот трезвых людей. Начались народные гуляния.

Глава 2. ДОРОГА

*«Этот путь приводит к таким
легендарным якобы явлениям,*

*как телесное прохождение сквозь
предметы трехмерного мира,
движение по воздуху, хождение по воде,
мгновенное преодоление огромных расстояний,
излечение неизлечимых и слепорожденных
и, наконец, как наивысшее, чрезвычайно редкое достижение –
воскрешение мертвых».*
Даниил Андреев. «Роза мира»

А потом началось лето. Жара-страда. Работы было много, а Девочке теперь приходилось работать наравне со взрослыми. Ведь теперь она обрела имя - Гарафена.

И все равно егоза иногда пробуждалась в ней. Так, она находила время спрятаться в высоких и ароматных фиолетовых льнах, принять на указательный палец случайную божью коровку и наблюдать за ее несуетливыми перемещениями по ладошке, чувствовать «топот» лапок до тех пор, пока далекое, но от того не менее пронзительное «Гарафена!» не возвращало ее к жизни.

И тогда Гарафена отпускала божью коровку в небо, к деткам, и отправлялась в городок – принимать неизбежное наказание.

Ее наказывали за безделье и праздность. Не били, но лучше бы уж били. Отец и мать усаживали Гарафену за общий стол. Со всеми родственниками. Усаживали в центре. В такие трапезы-наказания молчали все. Молчали и смотрели на Гарафену. Без укоризны, но с грустью.

В этой многовековой грусти, как в морских глубинах, таились труд поколений, старания матерей, неизбежный авторитет отцов. В грусти таилась история.

Хотелось Гарафене либо взлететь и оказаться за тысячи деревьев отсюда. Либо оказаться под корнями этих деревьев, провалиться в почву. Но от таких наказаний спасения не было...

- Гарафена! – вновь слышала девочка, когда в один погожий день снова оказалась среди взрывов полевых цветов.

- Тут! – откликнулась девочка. – Бегу!

Встала, оправила рабочее платье – бежевый отрез материи, недлинный, - до колен, опоясанный зеленой лентой, простилась с муравьем, искренне пожелав ему донести добычу до муравейника. И пошла. Медленно, но все быстрее и быстрее, чтобы не дать себе передумать. Городок был за спиной, лес – перед глазами.

Немыслимое дело: жительница городка не откликнулась на зов родителей, пренебрегла обязанностями горожанки. Ее звал другой голос. Голоса. Голоса леса, дороги, одиночества, свободы.

Какое странное чувство – сжигать саму возможность вернуться. Вот еще есть время оборотиться, стать к городку передом, к лесу задом, направить стопы в сторону отчего дома. Но с каждым новым шагом эта возможность тает, испаряется, развеется в дым. Теперь голоса леса впереди звучали более объемно, чем глухие голоса городка за спиной.

Лай собак – вой волков; крик петухов – клекот хищных птиц; речь людей – шелест листьев; зовы «Гарафена!» - ничего не требующее молчание леса. Там, позади, - там, впереди.

Хоженная дорога истончалась, превращалась в нить тропы. Потом стала просто примятой травой. А затем исчезла вовсе. Лишь кое-где исцарапанный валежник. Но были ли это зарубки охотников или следы медвежьих когтей - кто может знать. Только опытный следопыт.

Гарафена следопытом не была. Она умела слушать природу, но совершенно не умела выслеживать дичь. В какой-то момент стало страшно, захотелось сдаться, повернуть.

Ну, накажут. Пусть даже сильно накажут. Посидит за столом два-три часа пред грустными взглядами родственников. Пусть даже Анастасия Егоровна метнет в нее живой курицей. Пусть даже уткой. Пусть поросенком! Зато девочка останется жива. А тут, в лесу... Никаких гарантий.

Кроме того, Гарафена вдруг вспомнила, что не взяла с собой никаких съестных запасов – ни хлеба, ни вина, ни сыра. А было уже глубоко за полдень – сумерки падали одеялом на мир, и было им, сумеркам, все равно – город укрывать или лес.

Девочку стали обуревать мысли. Не добрые, не злые, а просто мысли. О том, что вот так, просто, одним движением души, она разорвала связи, которые делали ее быт уютным, стабильным, комфортным.

Куда идешь теперь ты, девочка Гарафена? Веками жили твои предки – жили дарами природы, в гармонии с миром. По кирпичику возводили то, что принято называть цивилизацией. Любили, дрались, возвеличивали, наказывали. Писали законы и нарушали законы. Но городок был. Именно их стараниями – был.

А теперь ты одна. И, конечно же, тебя по-прежнему любят и ждут в твоём городке. А лес полон невзгод и опасностей, сюрпризов и капризов. Зачем, милая? Зачем?

Еще не поздно. Вон она – опушка леса. До нее еще идти и идти. Заночуй в поле, выспись, а завтра утром примешь решение. И, конечно, вернешься.

Но не заночевать в поле – найдут. Весь городок с многочисленными родственниками, с хозяевами и собаками, с факелами и криками, может быть, уже ринулся на поиски. И что тебе в том, что мало кто уснет сегодня в твоём городке? Что о тебе заботятся – в той или иной мере, но все твои сограждане, знакомые и незнакомые? Тебе надо бежать! Беги, девочка, беги!

И Гарафена побежала – не домой, а к лесу. Побежала, как будто спасаясь от лютых зверей. Вот только лютые звери были впереди, а за спиной – заботливые сердца. О! эти неразумные поступки! Не из них ли соткана вся наша жизнь? Многие из таких поступков ведут к гибели, и лишь единицы – ко взлету на самые недостижимые вершины.

Но как узнать, где окажешься – в бездне или на пике, – если не свершать их, безумные поступки?

Гарафена бежала все быстрее и быстрее, опушка леса становилась все ближе. Действительно, где прятаться от темноты, как в не чаще леса? Сумерки – все плотнее, трава – все выше, холмы под ногами – все более опасны для бегущей. Гарафена мчалась к лесной опушке, как к спасению. Была уверена: там ее не достать никаким собакам, факелам, людям.

Пояс разметался вокруг талии двумя зелеными змейками. Бежевый отрез ткани теперь плотно, под напором ветра, облегал спереди и развевался плащом за спиной. Гарафена была похожа на голобедрую менаду-спартанку, несущуюся в лес за повелителем Дионисом.

А вот и звуки музыки. Кто там играет в лесной чаще? Это флейта Пана или кифары его спутников-сатиров? Кто бы ни был – к ним, в их круг, в их далекое от людской серьезности веселье.

Девочка уже возомнила себя женщиной и отправилась в путь. Назад не было дороги.

Глава 3. ПЕСНЬ

*«Там, где кончается государство
и начинается человек, не являющийся лишним:
там начинается песнь необходимых,
мелодия, единожды существующая
и невозвратная».*
Фридрих Ницше. «Так говорил Заратустра»

Из леса тихой волной плыла песня. Она одновременно напоминала колыбельную матери, сказку отца, рукопожатие друга, улыбку случайного прохожего. Гарафена невольно заслушалась и остановилась. И вдруг поняла, что песня-то – о ней самой.

*Тускло стало в мире.
И решил: чего терять?
Не проведать-ка мне Ирий,
С Гарафеной поболтать?*

- Так это Ирий? – крикнула Гарафена в темноту леса.
- Нет, конечно, - улыбнулся голос из темноты. – Какой же это Ирий, глупышка?
- Я не глупышка! – обиделась девочка. – У меня есть имя!
- И какое, позволь спросить? – вновь улыбнулся голос из темноты.
- Гарафена! – гордо ответила Гарафена.
- Ну, конечно! – как будто бы удивился голос из темноты. – Ну, здравствуй, девочка-дорога.

- Почему дорога? – удивленно спросила Гарафена.

Девочка стояла на месте, боясь сделать шаг. А вдруг там пропасть? Или бревно? Или обрыв к реке? Или лесная топь? Или охотничья ловушка на волков? Или... Да мало ли чего еще могло быть там, через шаг? Во мраке леса не было видно даже кончиков собственных пальцев.

- Так это не Ирий? – на всякий случай спросила Гарафена. Спросила очень важно, чтобы показать какой ответственной может быть семилетняя девочка, у которой уже год как появилось имя. А на самом деле – просто для того, чтобы остаться на месте.

- А что такое Ирий? – спросил голос вместо ответа.

- Ну... - замялась Гарафена. – У нас Ирием называют край света. Место, где всем хорошо – и людям, и зверям.

- И для тебя опушка леса – это край света? – тепло рассмеялся женский голос, а потом будто бы спохватился:

- Да, понимаю: городок ваш ограничен именно этой опушкой.

- И вовсе нет! – обиделась Гарафена. – Наши охотники уходят далеко вглубь леса и приносят очень странных животных.

- Ладно-ладно! – примирительно успокоил голос. – Странных животных здесь действительно много. Просто и народов тоже великое количество, и каждый народ называет край света по-своему.

- Народов много? – не поверила Гарафена.

- Очень! – подтвердил голос. – И названия Ирия у каждого свое. А порой даже несколько. Например, в Скандинавии говорят Валгалла...

- А где это – Скандинавия? – уточнила Гарафена.

- Очень далеко на Севере, - мечтательно ответила загадочная вещунья. – А вот на Юге говорят Джаннат или Аль-фирдаус. На Востоке говорят Дзёдо или Сукхавати. Кто называет Ирий Парадайзом, кто Геннаг, кто Ханаан... Мы так проговорим до утра. Ты голодна, девочка-дорога?

- Да, - призналась Гарафена. – И я до сих пор никак в толк не возьму, почему Вы называете меня, во-первых, девочкой, а во-вторых, дорогой.

- Ну, девочкой, - рассмеялся голос, - потому что тебе всего семь лет...

- У меня есть имя! – напомнила Гарафена.

- Знаю, знаю. Просто в моем мире имена дают от рождения.

- От рождения? – не поверила Гарафена. – Но зачем?

- Потому что в каждом имени заложен путь человека. Сколько бы ему ни было: день или век. А теперь иди к костру. Расскажу, почему ты девочка-дорога.

В темноте леса действительно воссиял огонек. Казалось, он был тут всегда. На огне стоял котелок, источавший аромат, которого Гарафене не доводилось чувствовать никогда в жизни. А у костра сидела очень знакомая женщина – Гарафена видела ее не раз в городке, то у базар-

чика, то у домов людей, пораженных хворью. Та же пыльная альба, та же широкополая шляпа. И даже та же дорожная сума у ног.

- Иди-иди, не обижу, - улыбнулась Ведьма. – Угощайся.

И было здесь все: и сыр, и вино, и горячий хлеб, и густой суп. Девочка забыла о своих вопросах и набросилась на еду. Ведьма рассмеялась.

- Так, историю про твое имя ты слушать не будешь, тебе сейчас не до того. Может, продолжить песню? – предложила радушная хозяйка ночи.

Девочка радостно закивала – Ведьма пела теплым и глубоким голосом. Да и послушать песню про себя – тоже немалое удовольствие.

Вот сидим мы с Гарафеной,

Я - о том, она – о сем.

- Говори-ка откровенно:

Тоже, мол, за кирпичом?

Но только Ведьма закончила второй куплет, как Гарафена ее тут же перебила – очень некультурно, с набитым ртом:

- За каким таким кирпичом?

Ведьма с укоризной покачала головой, но ответила:

- У всех народов есть такая легенда, в которой рассказывается о предмете большой силы. Такой силы, что может изменить мир. Как в лучшую, так и в худшую сторону. Здесь его называют «синий камень». В других местах – Алатырь. Кто-то говорит Иггдрасиль, кто-то – Грааль, кто-то – Меру. У одних народов, в одни времена, - это камень, у других – дерево, у третьих – чаша, у четвертых – гора. Это может быть животное или оружие, напиток или яйцо. Я могу продолжать песню?

Гарафена смущенно, извиняясь, пожала плечами и молча кивнула. Ведьма снова затянула:

Я устало отвечаю:

- Да пошто мне Алатырь?

Он, конечно, ось земная,

Ясень-Иггыгдрасиль...

Тут Ведьма остановилась сама, прочитав в глазах девочки новые вопросы. Как на них не ответить? Ведьма пригласила к разговору взмахом руки. И Гарафена не заставила себя ждать. Затараторила:

- Как это, зачем ему Алатырь? Сами же сказали, что весь мир можно перевернуть. И почему ось земная? Разве такое бывает? И как это камень может быть ясенем?

Ведьма рассмеялась тихо – чтобы не разбудить обитателей леса.

- Со временем поймешь, - сказала она. – Или не поймешь, но тогда это будет не важно. Петь? – И, не дожидаясь ответа, запела:

Не за белым не за камнем

Я притопал на Буян.

Посуди, змея, куда мне?

Не ползет в мой карман.

- Конечно, не ползет! – рассмеялась девочка. – Он же – ось земная!

- Знаешь, моя дорогая девочка-дорога, - не выдержала такой бестактности хозяйка костра. Голос ее стал неожиданно суров. – А допою-ка я тебе в следующий раз. Теперь же иди спать. Вон там, на траве, у старого пня.

- А про имя? – попросила Гарафена.

- Завтра, все завтра! – и костер неожиданно погас, так же, как и появился в этом лесу.

Глава 4. ВЫБОР

*«Человек пытается не ставить себя
в конфликтную ситуацию?
Это означает, что он не осознает
своего выбора между тем,
что ему диктуют жадность и страх,
и тем, что ему запрещает его совесть».*
Эрих Фромм. «Анатомия человеческой деструктивности»

Летняя ночь в лесу может стать для непривыкшего человека серьезным испытанием: от земли тянет, множество насекомых жаждут твоей крови, ночной ветер – не самое лучшее покрывало. Да и звери здесь разные. А ночные хищники – плохо умеют петь колыбельные.

Но Гарафена привыкла спать на траве. Клещей, комаров да муравьев, скорее всего, убавляли Ведьмины чары. Погода выдалась тихая, звезд на небе были россыпи. Сверчки наперебой старались исполнить девочке свои лучшие партии. А хищники, наверное, ушли охотиться в иные места. Лежа на спине и рисуя созвездия в небе, Гарафена думала о своем.

О чем своем? О покинутом городке? О доме? О смешной дворовой собаке или домашней живности, которую нужно было кормить каждое утро? Об отце или матери? О грозной бабушке Анастасии Егоровне? О своем необдуманном желании бежать?

И ведь бежала не от наказания, а куда-то, куда-то...

Нет. Гарафена думала о лесе, о том, что будет делать завтра. Думала о Ведьме с ее рассказами, о густом грибном супе с кусками дичи. Скоро эти мысли стали объемными и превратились в сны. Добрые сны.

С первыми лучами солнца девочка открыла глаза – бодрая, отдохнувшая, в замечательном настроении. Вспомнила, что покинула вчера городок и загрустила. Но, как ни странно, даже мысли вернуться домой не возникло. Если решил идти – иди. Так что грусть эта была не о доме, не о прошлом. Девочка грустила о будущем: оно, будущее, казалось размытым абрисом далекого острова в рассветном тумане.

Островов девочка не видела никогда. Городок жил далеко от моря. Были реки, речные островки, лес, поля и горы. Но представляла себе эти далекие морские острова в форме загадочных животных.

Ведьмы нигде не было – видимо, отправилась по своим Ведьминым делам. Промелькнула даже мысль, что Ведьма ушла в городок – возвращать девочку родителям.

Но кувшин с вином, краюха хлеба и несколько аппетитных колбасок лежали на скатерке, заботливо расстеленной на старом пне. А поэтому все глухие мысли тут же развеялись.

Вино в городке пили с малых лет, как ключевую воду. Традиция. Ах, да! Вода! Девочка прислушалась, уловила направление, откуда доносилось журчание потока, и направилась к речке.

Пологие склоны, чистая проточная вода приятно освежили, наполнили тело силой, а разум – чистотой. О речных обитателях, которые могут быть опасны, Гарафена как-то и не подумала.

Когда девочка наплавалась, нанялась и наплекалась всласть, то вернулась к берегу. Здесь ее уже ждала улыбающаяся Ведьма и подавала ей незатейливую одежду – отрез бежевой ткани да зеленый пояс. И еще белую простынь, чтобы промокнуть тело и убрать лишнюю влагу.

Ведьма сегодня выглядела иначе: ее альба была белоснежной до боли в глазах, шляпа тоже сияла небесно-голубым, да и сама Ведьма казалась на полвека моложе. Гарафена невольно замерла, стоя по колено в ласковых прозрачных струях теплой реки. Засмотрелась.

- Доброе утро, девочка-дорога, - радушно улыбнулась ночная хозяйка. – Отомри и вытирайся.

- Ну вот, опять эта дорога, - Гарафена благодарно приняла вещи, завернулась в простыню, а потом и быстро оделась. – Может, все-таки расскажете?

- Конечно, - кивнула Ведьма. – Обещала же вчера. Идем завтракать. Там и поговорим.

Гарафена закусывала колбасу хлебом, запивала вином прямо из небольшого кувшина и ждала, когда же Ведьма продолжит петь. Но хозяйка петь сегодня не собиралась. Зато она выполнила свое обещание: заговорила о дороге. Вернее, об имени.

Как оказалось, имена даются не просто так, не по прихоти, не по велению властной бабушки Анастасии Егоровны. Как оказалось, имя – это не просто набор звуков, на который откликается тот или иной человек. Имена имеют значения. В какой-то момент человек встречается со своим именем, и они проникаются друг другом: человек именем, а имя – человеком.

- Тебя нарекли Гарафеной, - начала Ведьма. – Имя древнее, пришло из далеких стран, которые тебе пока незнакомы, из глубоких времен, в которых тебе уже не побывать. В каждой стране, где жило твое имя, в каждом времени люди наделяли его разными качествами, а значит, придавали ему разные силы. И каждый народ считал твое имя своим, исконным. Теперь уже и не разберешься, где его, твоего имени, родина.

Была когда-то такая древняя империя – Рим. Римляне считали, что имя твое родилось у них, и только у них. Да и значение его связано именно с рождением. Звучало твое имя несколько иначе – Агриппина. И обозначало «ребенок, родившийся вперед ногами». Чувствуешь связь с дорогой?

- Нет, - честно призналась Гарафена.

- Родилась вперед ногами – вот и топай ими по миру, - улыбнулась Ведьма. Посмеялись на двоих.

Но есть и еще более древний народ – греки. Вернее, более древняя империя. Хотя сами греки считали себя демократами и империей не называли. Греки тоже считали это имя своим. Но придавали ему совершенно другое значение: «дикая лошадь». Тут уж связь с дорогой очевидна.

Гарафена кивнула – да, лошадь и дорога – это очень близко.

- Хотя тебе ближе не «дикая», а «вольная» лошадь, - улыбнулась Ведьма. – А вот потом имя пошло гулять по миру, по странам, народам и языкам. Агриппина, Агриппа, Аграфена, Огрифина, Фрефина, Гарафена...

- Это я! – радостно узнала свое имя девочка.

- Это ты, - согласилась Ведьма. – Значение имени Гарафена еще более наполнено смыслами. Это и «горющая»; это и «дорога Солнца»...

- Дорога Солнца? – не поверила Гарафена.

- Именно так, - подтвердила, кивнув, Ведьма. – «Га» в твоём имени – это «дорога». Так же, как и «га» в самом слова «дорога». «Добрая дорога» - «добро-га». Так же, как и «га» в слове «сварга» или в слове «Волга».

- Я не знаю этих слов, - смутилась Гарафена.

- Волга – река такая, - охотно пояснила Ведьма. – Широкая, полноводная. Вдоль этой реки шли торговые маршруты, волы тащили грузы. Вот и назвали реку «Дорога волов», Вол-га.

- А Сварга? – заинтересовалась Гарафена.

- Сварга - это дорога Солнца, - пояснила Ведьма. – Свар-га.
- Так это же я, Гарафена, - дорога Солнца, - запротестовала девочка. – Вы сами так только что сказали.

Ведьма рассмеялась – весело и задорно.

- Понимаешь, - сказала Ведьма уже серьезно, отсмеявшись, - в разных языках...

- В разных языках? – удивленно перебила Гарафена.

- Есть много народов, - терпеливо напомнила Ведьма. – У каждого народа свой язык. Некоторые языки очень похожи друг на друга, некоторые разнятся. Так вот, в разных языках Солнце называют по-разному. «Солнь» - очень древний корень. Его происхождение уходит в невероятную толщ веков. Ты – тоже дорога Солнца. Га – дорога, Ра – Солнце. Только у другого народа, у египтян.

- У египтян... - поникла Гарафена. – Сколько же еще мне нужно узнать. Я же не видела ничего, кроме нашего городка, нашего леса, наших полей, гор и рек. И наших людей.

- Не всегда обязательно видеть, - успокоила Ведьма. – Ты сама – целый мир. Начни с себя. Пока не познаешь себя, не стремишься в чужие места – проглотят, как дикие звери. К встрече с другими мирами нужно быть готовой, быть сильной. А увидеть другие миры всегда успеешь. Вот река – плыви. Вот земля – иди. Вот воздух – лети.

- Лететь? – удивилась в который раз Гарафена.

- Можешь и лететь, - улыбнулась Ведьма. – Нужно просто сделать выбор.

- Но я не умею летать! – возразила Гарафена.

- Пока не попробуешь – не узнаешь, - загадочно улыбнулась Ведьма. – А пока ты заканчиваешь завтрак, я расскажу тебе сказку про Гарафену.

- Про меня? – обрадовалась девочка.

- Кто знает? – улыбнулась Ведьма. – Может, и про тебя.

Глава 5. ЗМЕЯ

«Знание – краса величайшая в людях!

Радость с собою несет оно, счастье и славу!

Помощь окажет оно на чужбине,

Знание выше богатства, сильнее всех богов!

Даже цари признают превосходство науки!

Тот же, кто знаний лишен,

Тот прозябает, как зверь!»

Бхартрихари

Гарафена зачаровано слушала, как Ведьма тихо и искусно плетет слова, и слова эти, держась за руки, перетворяются в дивную историю о Царице Змей.

В стародавние времена – теперь уже и не упомнишь – не было еще людей ни в одном из миров. Звери жили мирно, но вот начались у них споры-раздоры. Кто сильнее, кто мудрей, кто больше, кто хитрее. И споры до драк доходили, до кровопролитий. Но вот одна мудрая змея восползла на самый высокий камень и возвала к звериному народу.

- Это была Гарафена? – догадалась девочка.

- Как только не называли ее в разных звериных стаях. И Скарапея, и Скоропея, и Скоропел, и Шкуропея, и Прасковей, и Карачалка, и Скорпея, и Переярия. И, конечно, Гарафена. Именно тогда ее и прозвали «горюющая», потому как очень горевала она о ссорах и раздорах, что вспыхнули в зверином народе.

- А камень был Алатырь? – обрадовалась своей догадке девочка.

- Называли его и Бел-камень, и Алатырь, и гора Меру, и гора Олимп, и Белый яшень, и Древо Бодхи, и Мировое дерево, и еще многими именами-прозвищами.

И воззвала Гарафена к перемирию. Но звери были злы – слишком уж много времени провели они в распрях. И разорвали бы они Гарафену в клочья, если бы внезапно не спустились с неба четыре птицы поменьше и одна, пятая, огромная, как туча.

- Четыре птицы? – прошептала девочка.

- Я тебе потом про них расскажу. И даже познакомлю, - пообещала Ведьма. – А вот с пятой птицей знакомить не буду – очень страшна. Это прародительница всех птиц во всех мирах.

А пока только скажу, что крикнула самая большая птица в гневе на зверей, и разразилась невиданная буря. Звали эту пятую птицу Стратим, и была она владычицей всех морей и океанов. Один взмах ее крыла топил корабли, один крик ее будит всех тварей морских.

- Такое бывает? – не поверила Гарафена.

- Это же сказка, глупенькая ты девочка, - прищурилась Ведьма. – Но слушай дальше.

Притихли звери. Задумались. Морские – так вообще попрятались в глубинах – буря же невиданная. Только самый большой морской зверь – Кит – выбрался на берег. И самый большой земной зверь – Индрик – встал рядом с ним.

- Что за зверь такой, Индрик? – спросила девочка.

- Его теперь мамонт называют. Большой лохматый слон, - пояснила Ведьма. – Были и другие большие звери, да думали они плохо: тело большое, а мозг маленький. Так что в совещании зверей у камня они не участвовали. Жевали травку вдалеке. Потому и вымерли. Не осталось их совсем.

- Ага, - важно кивнула Гарафена со знанием дела. – Большой лохматый слон.

Слонов она тоже никогда не видела, не то что мамонтов, но спрашивать дальше было как-то стыдно.

- Расположились рядом Кит и Индрик, - продолжила Ведьма, - и все остальные звери почтительно расступились.

Стратим взвилась над головой Гарафены и парила там в восходящем потоке ветра. Да что там! Она сама порождала ветер. А другие четыре птицы молча построились перед Гарафеной со всех четырех сторон, расправили крылья и сомкнули их неодолимым щитом. Так Гарафена получила защиту от любой напасти. Верное воинство свое. И когда буря, поднятая криком птицы Стратим, поутихла, заговорил Кит.

- Думаю, друзья-звери, нам нужно прекратить ссоры. Права Гарафена. Только кто же нас рассудит, если спорить начнем вновь?

- Только самая мудрая из нас, - поддержал Кита Индрик. – Нам нужна царица. Судья и правительница.

- Или царь! – рыкнул из толпы Лев, но тут же стих, когда Стратим-птица обратила взор в его сторону.

«Га-ра-фе-на! Га-ра-фе-на! Га-ра-фе-на!» - принялись скандировать звери на все голоса.

- Так тому и быть, - раздалось с небес. И хоть пыталась птица Стратим говорить тихо, но вновь пронесся ураган по окрестностям.

- Царице нужен дворец, - сказал Индрик. – Нужен трон. Нужна стража. Нужны слуги.

Засмеялись тогда все четыре птицы – есть, мол, уже это все – и дворец, и трон, и стража, и слуги. Две птицы подхватили Индрика за густую длинную шерсть. Другие две – Кита под хвост и плавники. Да подхватили аккуратно, чтобы не поранить. А сама птица Стратим нежно, как мать дорогое дитя, взяла в клюв змею Гарафену, и все птицы, взмахнув крыльями, тут же оказались там, где и по сей день живет инорокая огненная змея Гарафена в окружении преданных ей зверей. Кит бережет воды, Индрик – землю.

- Где? Где оказались? – нетерпеливо затараторила девочка. – И что значит «инорокая»?

- Как много вопросов, - улыбнулась Ведьма. – По порядку, да с другой стороны. Много значений у слова «инорокая». Это и от слова «инок», что значит «один». Одинокая она, и никогда не будет у нее родственной души.

- Как и у Вас? – вдруг поняла Гарафена, но Ведьма пропустила вопрос.

- Это и от слов «иной рок» - другая судьба. А тех, у кого иная судьба, сразу можно отличить по иному взору – насквозь тебя видят.

- Змея Гарафена смотрит насквозь? – девочке стало боязно.

- Змея Гарафена живет насквозь. Насквозь всех существ, всех миров, насквозь времени и пространства, - подтвердила Ведьма.

- Ух, ты! – восторженно воскликнула девочка. – Вот бы увидеть ее!

- О, это опасная затея! – покачала Ведьма головой. – Встретиться с Гарафеной - это все равно что оказаться перед греческой Сфинкс, индийской Пурушамригой или египетской Шепсес-Анх.

- А что в этом особенного? Что опасного? – уточнила девочка.

- Вопросы, - пояснила Ведьма. – Все они задают тебе вопросы. Чтобы ответить на вопросы, нужны знания, смекалка и... душа. Ответишь – проси ту вещь, что дарит силу.

- А не отвечу?

- Прощайся с жизнью.

- Гарафена такая злая? – расстроилась девочка.

- Она справедливая, - возразила Ведьма. – Если ты пришел (или пришла) за могучей силой, которая даст тебе неограниченную власть, то докажи, что ты этой силы достоин. А то таких дел можешь наворотить. Весь мир погубить можешь. Знаешь, сколько таких искателей Грааля? А так один разговор с Гарафеной – и на одного искателя меньше.

- Так где живет теперь Гарафена? – вспомнила девочка, о чем спрашивала раньше.

- На острове, - ответила Ведьма.

- На каком острове? – настаивала девочка.

- У него много имен, - пожала плечами Ведьма. – Самое известное – Буян. Но называли его и Китеж, и Березань, и Рюген, и Руян, и Бурун, и даже Майдан. Не важно, как называешь место силы. Важно, откроется ли оно тебе. Да и выживешь ли, попав туда, куда так стремился.

- Так место силы – это же Алатырь, - решила уточнить Гарафена. – А он остался там, где собирались звери выбирать царицу.

Ведьма снова рассмеялась.

- На то он и средоточие силы, что ему не важны ни время, ни пространство. Он всегда там, где нужен.

Глава 6. ПОМОЩНИКИ

*«И на будущее время я советую
вопреки нашему обыкновению
не принимать в союзники таких народов,
которым в беде мы должны помогать,
но от которых в случае нужды нам самим
не получить помощи».*
Фукидид. «История»

- А каково Ваше настоящее имя? – спросила Гарафена с искренним интересом. – Вы же не всегда были Ведьмой.

- Это и есть мое настоящее имя, - Ведьма потрепала Гарафену по все еще влажной после речных купаний голове. – Мне другого не нужно.

- Но Вы сами говорили, - настаивала девочка, - что имя должно иметь значение. Говорили, что в Ваших краях имя дают при рождении, чтобы его значение и человек как бы проникли друг в друга.

- Так и было, - подтвердила Ведьма. – До тех пор, пока я не поняла свою истинную суть. Не без наставника, конечно. Теперь я Ведьма.

- Хм, - задумалась Гарафена. – Кто ж добровольно захочет быть Ведьмой? Жить вдали от людей, ловить на себе косые взгляды. Быть изгоем. Тяжелое у Вас имя. Темное.

Ведьма рассмеялась – как обычно, звонко, почти по-детски.

- Темное имя, говоришь? И что же оно, по-твоему, обозначает?

- Вредить, наверное, - честно призналась Гарафена.

- Вредить, - исправила Ведьма. – Знать. А знание – это свет. Так что имя у меня самое что ни на есть светлое. А вот «добровольно» ли – это уже другой вопрос. Не все в жизни человек делает по своей воле. Есть силы, против которых нам не выстоять. Порой нужно отдать себя течению судьбы. А вот по поводу изгоя ты права. Те, кто знают, а не делают вид, что знают, - всегда одиноки. Мы уже говорили об этом.

- А можно, я останусь у Вас? – наивно спросила девочка. – И Вы не будете одиноки. И я не буду одинока...

- Ты, девочка-дорога, уж точно не будешь одинока, - улыбнулась Ведьма. – Подожди всего минуту. Они уже в пути.

- Мне нравится, когда Вы меня так называете, - призналась Гарафена и протяжно повторила:

- Дорога! А можно я тоже буду себя так называть?

- Конечно, - «позволила» Ведьма. – Это же часть твоего имени.

- Га, - попробовала на вкус Гарафена. – Я буду звать себя Га. А кто уже в пути? Кто будет через минуту?

- А вот они, - ответила Ведьма и широко повела рукой.

Га взглянула на ту поляну, в сторону которой указала Ведьма, и попятилась в страхе. Трудно было подобрать слова, чтобы описать три создания, представшие перед изумленным взором испуганной девочки.

Все три существа были похожи друг на друга и при этом разнились, как, скажем, похожи и разнятся ворон, лебедь и морская чайка. Похожи тем, что их женские лица и обнаженные груди были прекрасны. А вот различий было не счесть.

Первая «птица» сидела на траве, сложив крылья так, что их вовсе не было видно, но широко взъерошив яркие, переливчатые перья. Блеск перьев был изменчив и беспокоен, полон броских цветов и мягких полутонов, то ослеплял глаз, то успокаивал, и в пестроте этой девочка Га все не могла уловить никакой закономерности, никакого порядка. За спиной создания раскинулся впечатляющий размерами хвост такой же беспокойной окраски. И странное дело: Га казалось, что «птица» то полностью теряет человеческий облик, то вдруг обретает совершенно человеческие черты и действительно становится прекрасной обнаженной девой.

Вторая птица-дева, наоборот, раскинула великолепные крылья. Крылья дрожали так, будто она вот-вот собиралась вновь оторваться от земли и скрыться в неведомых далях. Перья сияли бело-желтым огнем, как сияет солнце, если глянуть на него сквозь прищуренные глаза. От оперения была свободна не только белая грудь, как у двух других птиц, но и гибкое тело до тонкой талии. По щекам создания непрестанно катились крупные слезы. И что показалось Га особенно странным – рот птицедевы был перевязан широкой черной атласной лентой.

Третье создание было настоящим чудом. Дева улыбалась, отчего сердце наполнялось радостью. Наверное, именно эта третья птица не дала девочке-дороге умчаться назад, в родной городок, к отцу и матери, к суровой бабке Анастасии Егоровне. Взгляд третьей птицедевы был добр, нежен, исполнен мудростью. Он успокаивал и сулил счастье. В русских воло-

сах, заплетенных в могучую косу, красовалась золотая корона. Оперение было цвета небесной лазури. Но самое удивительное, что из-под крыльев, как из-под плаща-накидки Анастасии Егоровны, скрещивались воздушные, грациозные руки. В тонких пальцах правой руки птицедева небрежно держала невиданный ранее девочкой ярко-алый цветок.

Все три птицедевы смотрели на Га, но каждая по-своему: переливчатая – внимательно, изучающе; огненная, та, что с черной лентой на губах, – скорбно, как бы проливая свои непростанные слезы именно по девочке Га; небесно-голубая – с нежным ободрением. Птицедевы смотрели на Га и молчали.

- Не бойся, милая девочка-дорога, - улыбнулась Ведьма. – Это мои друзья. А с этих пор – и твои друзья. Друзья и помощники в пути. Давай я тебя с ними познакомлю. Их-то с тобой знакомить не нужно, они и так знают о тебе больше тебя самой.

Вот эта птица всех цветов палитры мира, бескрылая, но с огромным хвостом носит имя Гамаюн. Не смотри, что она так сурово насупила брови. Она хоть и не добра, но справедлива...

- Как змея Гарафена? – вспомнила Га, снова перебив свою гостеприимную хозяйку.

- Как змея Гарафена, - вновь улыбнулась Ведьма и кивнула, не обратив внимания на невежливое поведение девочки. – Только имя ее происходит от слова «гомонить». Действительно, Гамаюн – любительница поболтать. И не бойся услышать ее голос. Наоборот, внимай каждому слову. Она видит будущее и сможет указать тебе верный путь. Она знает все на свете. Так что если будешь слушать особенно внимательно, если очень захочешь, то может и тебя научить ведовству.

- И я смогу стать Ведьмой, как Вы? – восхитилась Га.

- Сможешь, - кивнула Ведьма. – Но, думаю, тебе уготована другая судьба. Птица Гамаюн знает вернее.

- Так давайте спросим у нее! – чуть ли не потребовала девочка.

- Нет, - покачала Ведьма головой. – Гамаюн нельзя ни о чем спрашивать. Если захочет, то сама споет тебе песню. Или промолчит, если решит, что тебе о чем-либо знать не нужно. Давай лучше расскажу тебе о другой птицедеве, вот этой, бело-огненной.

- Почему у нее рот перевязан лентой? – спросила Га.

- Потому что ее песен тебе лучше не слышать никогда. Путь ее песни слушают твои враги. Это твой страж в пути, птица Сирин. Она тоже поет о будущем, но только о бедах и несчастиях. Тот, кто услышит ее песню, лишается разума. И даже если успеет заткнуть уши, все равно забудет о себе, цели пути, о сне и пище. Будет блуждать по лесам и пустыням, пока не падет мертвым.

- А почему в ее глазах так много слез? – прошептала Га.

- Сирин скорбит о тех, кто умер по ее вине. Она вовсе не желает убивать. Но такова ее суть, такова ее природа и назначение.

- Так же, как Ваша суть – ведать, быть Ведьмой?

- Именно так, - подтвердила Ведьма. – У каждого своя суть.

- А какова моя суть? – вдруг насторожилась Га.

- А вот это тебе и предстоит выяснить в дороге, - сказала Ведьма и вновь нежно потрепала девочку по голове.

Неожиданно пролился тягучий ручей мелодии, рассыпавшийся дождевым каскадом звонких капель. И так стало хорошо девочке Га, так тихо, так счастливо, так светло. Даже ветер, даже шелест листьев в кронах, даже недалекое журчание лесной речушки – все влилось в эту чудную мелодию и сложилось в слова:

Вкус яблок на губах.

Мой голос тих и прост.

Душа твоя в цветах.

Ликует Алконост.

- Вот она сама и представилась, - улыбнулась Ведьма и повела рукой в сторону небесно-голубой птицедевы. – Это твоя тихая гавань в любых бурях. Когда поет птица Алконост, даже морские волны превращаются в мягкую перину. Если, конечно, не запоем птица Стратим.

Последние звонкие капли песни все еще наполняли воздух над поляной. Птица Алконост подбросила алый цветок - даже не подбросила, а просто отпустила - и легонько подула. Цветок плавно двинулся в сторону девочки и лег ей на волосы. Алый всплеск тут же стал будто бы частью девичей челки. Без каких-либо креп он впелся в тяжелые темные волосы.

- Это ее подарок, - залюбовалась Ведьма. – Знак счастья.

Глава 7. ВЕЧЕ

*«Когда так шумит толпа,
состоящая из граждан и черни,
ее крики не выражают ничего,
кроме слабости и раболепия».*
Корнелий Тацит. «История»

На центральной площади городка возвышалась башня. Огромный столб толщиной в полсотни древних дубов, сложенный из «речного» камня – пористого, почерневшего от времени и поросшего мхом – как и положено, с северной стороны. Не было в башне ни окон, ни смотровых амбразур, ни каких-либо других проемов. Лишь одна тяжелая двустворчатая дверь из красного ясеня с южной стороны.

Можно было бы сказать, что эта башня – неприступное оборонительное сооружение. Вот только обороняться было не от кого – врагов у городка не было - ни реальных, ни придуманных, никаких. Башня на центральной городской площади служила совсем иным целям.

Когда происходили в городке события вселенского масштаба – свадьбы, похороны, именины, рождения детей и сбор урожая, - когда необходимо было общее собрание всех горожан, то по бесконечной винтовой каменной лестнице взбирался старик Пратеник. Он довольно резво для своего почтенного возраста пропускал под крепкими ногами стертые до блеска ступени. И кто бы видел этот отраженный блеск, если бы не коптящий смоляной факел в руке старика.

Такие факелы - про запас - были связками разложены через каждые сто ступенек. Не было внутри башни ветров и сквозняков, но вдруг споткнется старик, вдруг уронит свою важную ношу – не возвращаться же с полпути, не терять же драгоценного времени.

Плоская крыша башни была накрыта конусом черепичного навеса. Сверху обожженная глина черепицы была засижена голубями – никто и не думал чистить ее, кроме дождя да ветра. Снизу черепица была покрыта толстым – в несколько пальцев – слоем сажки. Ее тоже никто не счищал – незачем было: иногда сажа отваливалась целыми пластами, рассыпалась на куски.

Особенно часто это случалось, осенью во времена гроз, когда по черепице лупил «перепелиный» град. И тогда старик Пратеник сгребал черные комья лопатой в ведра и сносил их по одному в яму, вырытую неподалеку от площади. Два ведра сразу Пратеник нести не мог – в одной он должен был нести факел. Без этого источника света внутри башни царила бы крошечная сырая тьма.

Под конусом навеса, в центре плоской крыши, был выложен внушительных размеров дровяной колодец с влажными листьями внутри. Колодец был присыпан у основания сухой соломой.

Как только в дни всеобщих городских сотрясений старик Пратеник взбирался на последнюю ступеньку лестницы, как только, открыв дощатый люк, он кротом из норы выбирался на крышу, он тут же воспламенял факелом солому, та разогревала дрова, а поленья, в свою очередь, передавали тепло влажным листьям. Из дровяного колодца столбом начинал валить едкий густой дым, рассыпался под конусом черными тучами и вздымался в небо.

Пратеник деловито и хитро, как заправский маг, подкидывал в пылающий костер тайные ингредиенты, отчего дым становился иссиня-черным крылом сказочного ворона. Взмах этого черного крыла был виден со всех сторон городка. На башне поднимали черный флаг. Флаг звал на вече.

Сегодня было ветрено. Ветер трепал «полотнище» сигнального флага и рвал его в клочья. Но народ видел, народ волновался, народ городка спешил на площадь. Ремесленники и землешапцы, охотники и рыболовы, пчеловоды и садовники, пастухи и виноделы... И, конечно, поэты. Как без них? Кто же будет потом слагать песни о том событии, ради которого старик Пратеник взобрался на сигнальную башню?

Медленно и величественно плыла над землей в сторону площади Анастасия Егоровна. Следовали за нею почтенные матроны, подарившие городу немало сыновей и дочерей. Понуро брели следом за важной процессией Егор и Настя, отец и мать Гарафены.

Толпа множилась, гудела ульем, сбивалась в плотный монолит. Подходили группами и по одному. Собирались по домам, по улицам, по-соседски. Как жили, так и стояли на площади.

Все зачем-то, задрав головы, наблюдали за стаями черных хлопьев сигнального дыма. Шепотом обсуждали их полет. Ждали.

Дождались. Расступились, пропуская процессию. Анастасия Егоровна кивала еле заметно - направо и налево, приветствуя свой народ. Горожане кланялись – без подобострастия, не в пояс, но уважительно и радостно. Анастасию Егоровну в городке любили. Была она сурова, но справедлива, немногословна, но говорила всегда вещи важные и нужные.

Любили не как правительницу – не было в городке ни правительниц, ни правителей. Так же как и не было стражников, воинов, управляющих. Не было служивого люда, не было казенных должностей. Зачем? Каждый знал свой двор и был в этом дворе королем, царем и императором.

Когда наступала страда, все собирались единою рабочей гурьбой. Справлялись сообща, веселились всем миром. Так же всем миром и грустили, если что. Так же и мерковали-думали.

Спорили? Конечно, спорили. Кто ж не спорит? В своем дворе споры и решали. В одной семье муж – голова, в другой – жена, в третьей – мыши да тараканы. Личное дело каждого.

Двор на двор спорили редко. Да и как тут поспоришь, когда соберутся соседи, посмотрят на крикунов-драчунов с укоризной, вразумят-посоветуют. А там, глядишь, уже столы на улицу тащат, скатерти. Из погребов-подвалов наливки достают, закрутки, настойки, копчения. И еще лучше прежнего дружить начинают. А уж если совсем что сложное меж людьми пробежит, так на то есть авторитет мудрой бабки.

У двустворчатых дверей сигнальной башни Анастасия Егоровна остановилась и развернулась к горожанам. Заговорила тихо, так, что слышали только стоящие рядом. Толпа окружала башню, заполняла всю центральную площадь. Слова Анастасии Егоровны передавали из уст в уста, они разбегались, подобно кругам на воде от брошенного камня.

- Случилось то, - начала Анастасия Егоровна без всяких церемонных обращений, - что никогда не случалось в нашем городе.

Народ ахнул глухо и тихо – так бухает споровый лопух, когда созревают его бутоны.

- Пропал человек, девочка, звать Гарафена. Год, как имя получила, - продолжала Анастасия Егоровна ровно. – Видели, как сама в лес побежала. Звали ее, но бежала, не откликалась. В лесу девочка затерялась, искали – найти не смогли. Удивительно это, непонятно.

- Ведьма это, - вдруг буркнул Егор, стоявший за спиной матери.

- Ведьма, она, точно, Ведьма, - россыпью простучало по толпе, как горсть гравия, брошенная на пыльную дорогу.

- А где она, Ведьма? – выкрикнул кто-то из толпы, и тут же собрание загомонило градом: где? где она? где?

- Пропала и Ведьма, - сообщила Анастасия Егоровна. – Нет никого в ее доме, пусто со вчерашнего дня. Так что может, и Ведьма. Мы не знаем. Но обязательно должны выяснить. И найти их: и Ведьму, и Гарафену. В первую очередь, Гарафену. Ведьма – человек пришлый. Откуда явилась – не знаем, где имя получала – не ведаем. А Гарафена – наша. В нашем городе родилась, в нашем городе выросла, я сама девочку первым именем нарекла.

Говорила почтенная седовласая женщина медленно, так, чтобы ближние успели передать следующим, те – своим соседям, и так – до самого крайнего круга людей, собравшихся на вече. Не в первый раз выступала Анастасия Егоровна перед народным собранием, знала все тонкости этого мудреного дела. Может, и за это умение «говорить в многолюдье» так уважали горожане бабушку Гарафены.

- Следопытов! – выкрикнул кто-то из толпы, и тысячи голосов подхватили: «Следопытов! Следопытов!»

- Надо послать всех следопытов, - взмолилась Настя, мать Гарафены. – Во все уголки леса.

- Если девочку прячет Ведьма, то следопыты не помогут, - резонно остановила споры Анастасия Егоровна. – Тем более следопыты нужны городу – без них не будет добычи, наши столы оскудеют. Но мы пошлем трех следопытов. Только не в лес, а в горы.

- Зачем? – ухнула толпа. – Горы? Зачем горы?

- В горах следопыты постараются найти того, кто нам поможет, - спокойно ответила Анастасия Егоровна. – Того, кто сумеет отыскать Ведьму, развеять ее чары и привести Гарафену домой.

И тут зашелестело, засвистело недобрым ветром над толпой:

- Босоркун. Босоркун! Босоркун...

- Босоркун, - кивнула Анастасия Егоровна. – Горный король. Что ему Ведьмин обман, когда злее, чем он, нет духа ни в горах, ни в полях, ни в лесах? Наш город не оставляет в беде своих жителей. Особенно – детей, еще не получивших второе имя. Готовы ли вы отправиться в путь и вернуть Гарафену ее родителям? Знаю, все следопыты почтут за честь. Но мы выберем трех лучших.

- Я готов! – пробился к воротам сигнальной башни следопыт Траг.

- Я готов! – уже стоял с ним рядом следопыт Налаз.

- Я готов! – встал третьим в ряд следопыт Пошук.

- Я готов! – Егор замкнул ряд, встав четвертым.

Анастасия Егоровна долго смотрела на сына тяжелым взглядом, но наконец кивнула:

- Отец Гарафены вправе идти. Собирайтесь.

Старик Пратеник еще не успел разбросать тлеющие листья и «убить» черный дым на крыше сигнальной башни, а четверо путников уже покидали город и начинали долгое восхождение по выгнутому кошачьей спиной острому гребню – там пролежала опасная тропа к затаившемуся в складках пограничных скал пещерному убежищу горного короля.

Глава 8. НАПРАВЛЕНИЕ

*«Можно ли ожидать, что молодежь,
бедные и несчастные люди,
сумеют устоять перед этим
крахом и запустением,
если он пропагандируется теми,*

*кто определяет направление развития
современного общества?»*

Эрих Фромм. «Анатомия человеческой деструктивности».

- Тебе пора в дорогу, девочка Га, - улыбнулась Ведьма. – Есть два пути – назад, в город, и...

- И? – нетерпеливо спросила Га, не дождавшись продолжения.

- А вот это уже тебе решать, - пожала плечами Ведьма. – Откуда же мне знать, куда ты отправишься, девочка Га?

- Ну, уж точно, не в город, - отрезала Га.

- Почему же? – резонно удивилась Ведьма. – Там твои родители, Егор да Настя. Кстати, знаешь, что означают их имена?

Девочка отрицательно покачала головой.

- Очень теплые и добрые имена у твоих родителей, - заверила Ведьма. – Отец твой земледелец...

- Да, он работает в поле, - кивнула Га.

- Таково значение его имени, - звонко рассмеялась Ведьма. – В одном далеком краю именно так называли всех земледельцев. В том же краю имя твоей матери прозвучало бы как «вернувшаяся к жизни». Может, и ты вернешься к той, что дала тебе жизнь?

Га серьезно задумалась. Лучиком сверкнуло желание возвратиться домой, к привычному укладу, в родные стены. Обнять маму и папу, виновато склонить голову под тяжелым взглядом Анастасии Егоровны... Но нет! Девочку тянуло в дальние дали, неведомые, а потому – манящие.

- Я вернусь, - пообещала Га. – Обязательно. Но потом, через время.

Птицедевы улыбнулись. Только у Сирин по щеке скатилась новая слеза. Ведьма в который раз потрепала девочку по голове и аккуратно коснулась алого цветка в ее волосах.

- Тогда пустим твоих помощников вперед, пусть летят и разведают твою дорогу! – Ведьма кивнула птицедевкам.

Первой в небо вспорхнула дева Алконост. Она приветственно махнула девочке рукой, не прощаясь, обещая новые встречи. Из-под крыльев маленькими цветными вихрями закружили цветы щедрого лета: желтые тысячелистники, голубые колокольчики, розовые мальвы, коричневатые бархатцы, белые ромашки, пестрые гвоздики и петунии. Цветные облака вспыхнули и рассыпались плавно опадающими лепестками.

- Наше лето скоротечно, - сказала Ведьма. – Оно теплое и яркое. Зовет к отдыху и веселью, песням и радости. Но так много нужно полезного сделать летом, чтобы подготовиться к осени. Не успеешь оглянуться, а лето уже скрылось бабочкой в опавших лепестках цветов.

Тут, взмахнув крыльями, взлетела птица Сирин и растворилась в невесть откуда появившихся серых тучах. На землю хлынул дождь – так пролились горькие слезы птицедевы. Ведьма повела рукой, и невидимый зонтик укрыл женщину и девочку от хлестких ударов осеннего ливня.

- Осень кажется грустным временем года, - сказала Ведьма. – Но если бы не осенние дожди, то чем тогда порадовала бы нас весна? И нужно помнить, что вслед за осенью приходит зима – время вьюг и раздумий.

Расправив величественный хвост, взмыла в небо вещая бескрылая птица Гамаюн. Небо почернело, закружились крупные снежинки. Они танцевали в воздухе и множились, пока не начался настоящий снегопад. Девочка Га непременно бы замерзла, если бы Ведьма не накинула ей на плечи меховую накидку. Снег быстро покрыл землю толстым слоем, нагромодив белоголубые сугробы.

Времена года сошли с ума. За несколько минут осень сменила лето, а на смену осени пришла зима. Га совсем растерялась: как же она теперь пойдет по лесу, по сугробам, в летней обуви из тонкой кожи. Когда, поддавшись внезапному порыву, она побежала пмео полю в лес, то под ногами ее расступались цветы и травы, а в небе сияло жаркое благодатное солнце. Девочка тогда не думала о зиме, она жила этой минутой – беззаботной минутой детского лета.

Отчаяние, испуг отразились в ее глазах. Ведьма заметила, звонко рассмеялась:

- О, наивная девочка! Конечно, дорога не всегда начинается так просто, как виделось во снах, как представлялось в мечтах. Стоит сделать первый шаг, и все оказывается иным, непредсказуемым, порою сложным и пугающим. Но не волнуйся, твои сани ждут тебя. Как только сядешь в них, все завертится – больше не остановить. Дни и вехи начнут сменять друг друга все быстрее и быстрее. Начнется твой путь. Готова ли?

Только сейчас Га заметила в тени деревьев на краю поляны небольшие сани – одноместные, обитые изнутри мехом, с резной спинкой, с высоко задранным передком, с широкими полозьями.

Га присмотрелась. На спинке саней были выгравированы серебром две строки. Девочка прочитала вслух:

*Мы – быстрые салазки.
Будет страшно – закрой глазки.*

- Советую прислушаться к тому, что говорят тебе сани, - сказала Ведьма с улыбкой. – Идем, помогу устроиться поудобнее.

- Вы не допели песню, - вдруг вспомнила девочка. – Про змею с моим именем. Ту, которая хранит Алатырь.

Ведьма долго не отводила от Га задумчивый взгляд. А потом запела:

*- Не дури драконы кольца,
Мы, почай-ка, не в хлеву.
Вижу я, что не пропойца,
Но Гагану позову.
Человеки все скаредны, -
Чай не первый век живу.
Птица клювом своим медным
Раскидает на дратву...*

- Кто такая Гагана? - дождавшись паузы, спросила девочка осторожно - не обидится ли певунья...

- Помнишь, я рассказывала тебе о пяти птицах? – вовсе не обиделась исполнительница. Видимо, она ждала этого вопроса. Га с готовностью кивнула. – С тремя ты уже знакома. К знакомству с пятой лучше не стремиться. А вот Гагана – это та самая четвертая, с которой тебе еще предстоит встретиться. Если, конечно, найдешь свой Буян. Однако послушай, что ответил Гарафене путник. - И Ведьма продолжила песнь:

*- Не за бел-горючим камнем,
Не за птичьим молоком, -
Я с Зарею прибыл ранней
Лишь печалию влеком.
Хочешь звать Гагану-птицу?
Так зови, едрёна мать!*

*Но пока она примчится,
Разрешит-ка поболтать?*

Ведьма замолчала, оборвав повествование так, как всегда делают опытные рассказчики: на тревожной ноте, на заданном вопросе, оставшемся пока без ответа. Га ждала, просила взглядом, но Ведьма только улыбалась тихо, задумавшись о чем-то своем, глядя куда-то в лесную глушь, в темень сосен. Наконец молчание было нарушено.

- Полезай в санки, - сказала Ведьма почти строго, сплетая в одну косу вежливое приглашение и настойчивый призыв.

Га подчинилась. Скамья оказалась неожиданно теплой, боковины давали достаточно простора для того, чтобы устроиться удобно и при этом не елозить по скамье, если вдруг случится резкий поворот. Ведьма еще раз коснулась алого цветка в волосах девочки.

- Алконост сделала тебе удивительный подарок, - прошептала Ведьма, склонившись к самому уху Га. – Он защитит тебя от песен птицы Сирина.

- А Ваша песня? – попросила девочка. – Спойте о том, что было дальше.

- Ты обязательно узнаешь об этом, - заверила Ведьма. – Всему свое время. Не забудь закрыть глазки. Сани летят быстро.

- Когда вернетесь в город, передайте моим родителям и Анастасии Егоровне, что мне жаль, что я скачаю, что обязательно тоже вернусь, только... только мне нужно немного времени, - попросила Га.

Вместо ответа Ведьма легонько подтолкнула сани.

- Нет мне теперь возврата в город, - сказала Ведьма вслед саням, летевшим по узкой просеке в лесную чащу. Но девочка Га уже не слышала – все завертелось, больше не остановить. Началась ее дорога.

Глава 9. СКАЛЫ

*«Как крепкая скала
не может быть сдвинута ветром,
так мудрецы непоколебимы
среди хулений и похвал».
Дхаммапада*

Путники обмотали головы плотной тканью, чтобы защитить губы, нос, щеки, но сухой ветер резал глаза, пробирался сквозь одежду, вырывал из рук посохи, а со спин сдирал охотничьи луки и тяжелые походные ранцы. Мягкая лесная обувь совсем не годилась для горного похода. Мелкий щебень впивался в ступни, как будто следопыты взбирались по тропе босиком. Уже через несколько сотен шагов путники сделали привал, чтобы обмотать ноги ремнями из плотной кожи.

Жители городка не любили ходить в горы. Горожанам ближе были леса, обильные дичью, полноводные зарыбленные озера и реки, плодородные поля. Лишь нижние склоны у подошвы горного хребта виноделы использовали для того, чтобы ровными рядами высаживать виноградную лозу.

Над виноградниками начиналось суровое царство Босоркуна, где довлели свои законы, отличные от законов благодатных низин. Места эти не были предназначены для проживания человека. Лишь суровые храбрецы из гильдии рудокопов рыли шахты и добывали различные металлы на нижних подступах к скалам. Здесь же работали каменотесы, вырубая кирками строительный материал для домов. Рудокопы и каменотесы рассказывали жуткие вещи. Этим рассказам и верили, и не верили. Но подниматься выше шахт и каменоломен не рисковали.

Вершины хребта круглый год были скрыты потолком облаков, будто бы выбеленным гашеной известью. Белые потеки спускались по гребням – лед, намерзший на спины гор еще со времен сотворения мира. Тепло долины сменялось сухим жаром на высоких склонах, беззащитно открытых солнцу и ветрам. И вдруг, на какой-то одной Природе ведомой границе, в легкие бил разряженный морозный воздух вершин – начинались коварные ледники.

По границам ледников зияли краевые трещины – их вымыли в скалах потоки талых вод. Выше этих зазоров трещины во льдах ткали хаотичную смертоносную сеть. Только опытные скалолазы могли бы замыслить вырваться из цепких объятий этой паутины, но не было среди горожан опытных скалолазов.

Анастасия Егоровна мудро отправила в поход тех, кто был наиболее приспособлен к походу: не рудокопов, не каменотесов – если с восхождением не справятся следопыты, то некому больше поручить такое опасное задание. И следопыты старались. Однако их лесной опыт позволял разве что не умереть сразу, на первых же отрезках пути.

Тяжелее всего приходилось Егору. Его натруженные руки хорошо управлялись с плугом и косой, он мог часами работать в поле, но превратности дороги измотали его в первый же день восхождения. К полудню он еле передвигал ноги, но перся вслед за товарищами с упрямством вьючного мула.

Когда солнце поднялось в зенит, крупные осыпи раскалились так, что идти стало невозможно. Траг, который шел первым, поднял руку, останавливая колонну.

- Нас изжарит, как на сковороде, – сказал он, не оборачиваясь.
- Или иссушит ветром, как фрукты в сушилке, – подтвердил Налаз.
- Вон за тем валуном, в ущелье, есть навес, – указал Пошук чуть правее основного направления. – Под ним тень. Нужно сделать привал.
- Продолжим путь, когда солнце скроется за склоном, – согласился Траг. – Что скажешь, Егор?

Егор молчал, его тяжелое и прерывистое дыхание молило об отдыхе убедительнее всяких слов. Охотники тоже были измождены подъемом, поэтому без дальнейших обсуждений свернули к скальному навесу, под которым разбили временный лагерь – растянули тенты от ветра и жарких лучей, достали нехитрую снедь: хлеб, сыр, вино, вяленое мясо. «Стол» на плоском камне накрыли, но к еде приступили не сразу – сморил сон.

Здесь, в ложбине, порывы ветра слабели, разбиваясь о стены разлома и потолок навеса. Но все равно тенты несколько раз срывало с растяжек, пока охотникам не удалось закрепить их более надежно при помощи камней и специальных растяжек. Ближе к вечеру ярые порывы начали стихать. Путники спали, расстелив плащи и положив рюкзаки под головы. Стражу не выставляли: слишком уж велики были опасности горного царства, чтобы надеяться на то, что при встрече с каким-нибудь местным лихом спасет вовремя поднятая тревога. А сон был нужен каждому путнику.

Пробуждались по одному, вставали, потягивались, разминали руки-ноги, подсаживались к «столу». Первым очнулся от забытья усталости Егор. Когда собрались остальные товарищи, он уже угрюмо жевал вяленое мясо и тянул вино из меха.

- Трепьятки спят, – Налаз обвел взглядом скальный пейзаж. – К ночи проснутся.
- Говорят, что ножи они куют знатные, – добавил Пошук.
- И наконечники для стрел, – согласился Траг.
- А еще говорят: «Не дергай трепястка за бороду – пальцы срежет», – буркнул Егор.
- Это да, – согласились все. – Но где трепятки, там клады в скальных пещерах...
- Клады не трепятки, а кладенцы охраняют, – вспомнил Налаз.

Помолчали. Но коль припомнили карликов-трепястков и огнеоких бородачей кладенцов, то как же не поговорить о прочих жителях горного царства?

- Где пещеры или шахты, там и пустотники, - напомнил Траг. – Смотришь на него и думаешь, что наш, рудокоп, - та же лампа, та же каска, та же кирка, - ан нет: пустотник. Ничем не возьмешь – ни ножом, ни стрелой. Схватит, вдавит в стену – так и останешься в скале навечно.

- Да тут любая скала может оказаться троллем, - сказал Пошук почти шепотом. – Стоит только взойти полной луне – и скалы оживают.

- Все? – спросил далекий от горного дела Егор.

- Некоторые, - успокоил Пошук. – Особенно те, что на людей похожи.

Путники заворачивали головами, внимательно изучая окружающий ландшафт. Молча указывали друг другу на самые подозрительные скалы, морены и валуны, которые, по их мнению, были наиболее похожи на живых существ. Скалы оживали в воображении, превращаясь в коренастых трепястков, сторбленных стариков-кладенцов, лесных или горных медведей, загадочных бегемотов и невиданных птиц.

- Каменотесы рассказывают, что в меловых пещерах живут белухи, - поведал Налаз. – Стоит коснуться такого призрака, сам становишься меловым камнем.

- Не будем лезть в меловые пещеры, - быстро согласились все.

Стало совсем уж жутко. Решили собираться.

Толком отдохнуть не удалось, но пора было снова выдвигаться в путь. Перемотали кожаные ремни на ногах, обернули головы тканью. Собрали тенты, распахали еду по ранцам, пристегнули ножи, накинули на спины луки. Взяли в руки походные посохи. Обвязались единой веревкой, чтобы страховать друг друга на подъеме. Нужно было торопиться, чтобы до полной темноты преодолеть как можно больший участок склона. Тропа закончилась. Теперь шли наугад, надеясь исключительно на тонкое чутье следопытов.

Глава 10. ШКИПЕР

*«Только не проси у меня мой корабль,
мою мантию, мой меч Каледвулх,
и мое копьё Хронгоммиант,
и мой щит Ванебгуртихир,
и мой кинжал Карнвеннан,
и мою жену Гвенхвивар.
Клянусь небом, все остальное я тебе дам».
«Килхух и Олвен, или Турх Труит»*

Сани скользили сами. Без впряженных лошадей, волов или мулов. Рассекали полозьями неожиданный снег по прямой просеке, плавно, без какого-либо участия пассажирки, входили в редкие повороты, ровно, без рывков, преодолевали препятствия - овражки и павшие деревья.

И хоть в санях было тепло и не тесно, Га все равно чувствовала себя неуютно. Девочка выросла в городке, где жили обычные люди: мужчины и женщины, отцы и матери, труженики, лодыри – разные люди, но все они были далеки от магии и колдовства. Каждый из горожан знал наверняка: чтобы телега двинулась с места, в нее нужно было впрячь лошадь. Или другое тягловое животное. Или навалиться всей семьей. Или пустить под откос.

На окраине городка жила Ведьма – вот и все виданное горожанами чародейство. Травы, лекарство, шлепок по новорожденному – чтобы раздался его первый крик, тихий шепот над занемогшим человеком или хворым скотом. Разве это чудеса?

В городке никогда не знали саней, что сами прокладывают путь. Это одновременно и восхищало, и удивляло, и пугало. Га беспокойно ерзала на вроде бы удобной скамье, все никак не могла занять нужное положение.

И сани как будто почувствовали тревогу девочки. Дорога пошла под уклон, и теперь все сошлось: пологая горка и весело скользящие салазки. Девочка успокоилась и наконец смогла откинуться на высокую спинку, обитую мягким теплым мехом.

По обочине просеки росли сосны. Могучие вековые гиганты – вершины крон не разглядеть в подоблачных высотах. Такие не встретишь на опушке. Га поняла, что сани занесли ее в глухую чащу.

Городок обрамлял лиственный лес. Дровосеки вырубали стареющие деревья, заготавливая материал для строительства домов, для создания мебели, для сборки речных рыболовных суденышек, для прочих плотницких и столярных работ. Городок был небольшой, строили редко, к мебели относились бережно, рыбаки смолили и шкурили свои лодки каждый год. Древесины тратили не много. Проходило два десятка лет, и вновь на опушке было, что рубить, из чего строить.

Бор начинался в нескольких днях пути от опушки. Сюда забредали только следопыты-охотники в поисках диковиной дичи. Опасно было здесь, недобрые сюрпризы готовила человеку лесная чаща.

Знающие люди рассказывали, что в сосновом подлеске видели, как растет златорунный бораец, слышали его тихое блеяние. Удивительное слияние мира растений и мира животных – о пяти корнях, о двух рогах, любимое лакомство волков-оборотней.

Растут в чаще и смертельно опасные альруны-мандрагоры, белые и черные. Белые корни как редкую игрушку приносили охотники своим детям. Белый корень – вылитый мужчина с воздетыми к небу руками-стеблями. Он не опасен, вырывай смело. А вот черные женские корни не трогай ни в коем случае! Даже близко не подходи: листья манят ароматом, пьянят, дурманят – всего несколько мгновений, и ты падаешь замертво в желтую отмершую хвою. А зажмешь нос прищепкой, подберешься к черной мандрагоре, рванешь за волосы-листья, и тут же дикий вопль отнимет разум, наполнит сердце ужасом. Чем уши не затыкай – все равно не поможет.

Так могут кричать еще только башыши, но в лесу их не встретишь. Далекое эхо скорбных воплей слышали каменотесы в горах. Га помнила: одним вечером такой каменотес зашел в гости к ее отцу на мех-другой молодого вина. Горный рабочий рассказывал, что видел серди валунов и морен светловолосую женщину в белом плаще – башыши. Только девочка так и не поняла тогда из сбивчивого рассказа вечернего гостя, были ли это белые косы девушки или седые власы древней старухи. Стало от рассказа так страшно, что Га (тогда еще Гарафена) горько заплакала, и отец попросил девочку отправиться на кухню, к маме.

И в горах, и в лесу особо нужно было опасаться змей: как маленьких, цветных, ядовитых, так и огромных, умных и коварных. Ядовитые змейки могли подкрасться незаметно, убить одним укусом, а змеи больших размеров, наги и ламии, сами подманивали людей мелодичным посвистом, и больше никто не видел бедолаг – пропадали без вести в подземных царствах, в горных дворцах, в миражах раскаленных склонов, в темной глуши неведомых чаш.

А еще рассказывал один из охотников, что видел ночью в лесу, как на полянке, залитой лунным светом, весело пляшет агатовый заяц. И так, говорил охотник, потянуло на поляну – бросить все и пуститься в пляс, - что не было никаких сил противиться этому желанию. Хорошо, что следопыты не ходят в лес поодиночке. Спасли товарищи, а то плясал бы охотник безумные танцы вместе с лунным зайцем на самой Луне.

Так что много было в лесной глуши странного, жуткого, враждебного случайному человеку. Вспоминала девочка Га эти полувероятные истории и ежилась в своих саях-самокатах. А сани неслись по узкой просеке неведомо куда, и морозный ветер красил щеки, рвал волосы темными локонами из-под мехового капюшона. Скорость была такой, что Га пришлось-таки вспомнить совет, выгравированный на спинке саней. Девочка закрыла глазки.

Но вот голубой снег закрипел под полозьями – сани замедляли резвый бег. Очевидно, эта часть путешествия подходила к концу. Га открыла глаза. В морозно-снежной дымке впереди серебрилась какая-то непреодолимая преграда. Сани остановились. Девочка выбралась на дорогу, размяла затекшие ножки, потянулась и запрокинула голову, чтобы разобраться, что же прервало столь быстрое и долгое скольжение.

Просеку перегородили ворота. Высокие сосны по обочинам служили опорными столбами для правой и левой створки ворот. Эти-то створки и отливали серебром так, что слепили глаза. Ворота были тяжелыми, будто действительно вылиты из серебра. А может, и вылиты – кто ж знает? Га решила пока не удивляться. Что еще ждет ее в пути? Нужно приберечь удивления на потом.

Огромный стальной замок был навешен на массивную задвижку, которая надежно перекрывала еле заметную щель между створками. Не пройдешь. Можно, наверное, сойти с дороги и пробраться сквозь кустарник, меж соснами, но что-то подсказывало девочке, что делать этого не стоит.

Высоко-высоко, на высоте верхней площадки городской сигнальной башни, на створках пылали огненные буквы – одна строчка слева, другая справа:

*Прикоснись – и ты войдешь.
О чем мечтаешь, то найдешь.*

- Как все просто, - пожала плечиками Га. – Попробуем.

И девочка направилась к воротам. Как только она сделала первый шаг, сани за ее спиной вновь пришли в движение. Лихо заложив вираж, скрылись за снежной завесой. Когда белые брызги опали, саней на полянке перед воротами уже не было – умчались вверх по пологому склону назад к хозяйке, к Ведьме. Почему-то стало грустно – Га уже успела «сдружиться» с санями.

Поляна, ворота, снег, лесная чаща. Сани уехали. Другого пути не было – оставалось только последовать совету, пылающему на створках. Га решительно зашагала к воротам.

Оказалось, что расстояние обманчиво. Идти пришлось долго. Поляна словно вытянулась, превратившись в поле. Пока Га преодолевала путь до серебряных створ по глубокому снегу, утреннее солнце успело перебраться в зенит, отчего сияние серебра стало нестерпимым. Га прикрыла глаза рукой. Но вот цель достигнута. Га протянула руку, коснулась, как велела надпись, даже просунула в щель пальчики. Ничего. Ворота холодно и нерушимо возвышались перед девочкой. Может, нужно коснуться не створок, а замка?

Задвижка с кольцами под дужку замка смыкала створки ворот на такой высоте, что взрослый человек мог бы достать легко – стоило лишь протянуть руку. Для семилетней девочки такая задача казалась невыполнимой.

Га задумалась, но всего на мгновение. И вот уже девочка сгребает снег, утаптывает получившийся сугроб, и вновь накидывает снежную шапку на утопанную площадку. Опора, хоть и медленно, но растет. Через некоторое время Га прекратила работу. Ведьма подарила Га меховую накидку с капюшоном, теплую обувь, но забыла вручить варежки. Пальцы замерзли, их пришлось долго отогревать дыханием. Га немного отступила назад, чтобы глянуть на творение рук своих со стороны. Снежный холм возвышался над головой. Должно получиться.

Га взобралась на сугроб, попрыгала, снова трамбуя площадку для опоры - не поскользнуться бы. Вытянула ручку, встала на цыпочки. Не хватило совсем чуть-чуть – нужно собрать всего несколько охапок снега. Га снова прыгнула. Кончики пальцев коснулись холодной стали. Замок щелкнул, откидывая дужку. Створки ворот запели, поворачиваясь на столбах-соснах. Ворота открывались – к счастью, вовнутрь. Га протиснулась в образовавшуюся щель.

За воротами сияло лето – во всем великолепии. Пронзенный солнечными лучами густой воздух обволакивал йодистым ароматом водорослей, рыбы, морской свежести. Перед девочкой шумел припортовый базар. Сотни людей сустились у прилавков. Грузчики, продавцы, покупатели – все были заняты делом. Море щедро делилось своими дарами: зеленые, синие, бурые растения из соленых глубин, рыба множества пород, моллюски различных размеров, загадочные чудища со щупальцами и клешнями – все это сгружали с кораблей, вываливали в телеги, везли на склады, на прилавки, либо торговали прямо так, с телег.

Га обернулась. Никаких ворот за спиной больше не было. Она стояла посредине прямой широкой улицы, наверное, главной в этом городе. Один конец улицы устремлялся вверх по склону и превращался в линию, зажатую с обеих сторон двух и трех этажными домами. Другой конец улицы упирался в пристань. Справа и слева раскинулся пестрый базар. Девочку не особо удивило и вовсе не испугало отсутствие ворот. Зачем возвращаться назад, если открыто столько путей вперед?

Девочка никогда раньше не видела моря, лишь слышала о нем – поэты слагали саги, песни, сказки, родители пели и рассказывали о морях детям перед сном. В городке не было торговцев и базаров. Каждый сам ловил себе рыбу, собирал фрукты с деревьев, пек хлеб. Друг с другом делились: земледельцы и виноградары – урожаем, охотники – дичью, дровосеки – древесиной, каменотесы – камнем. Горожане несли ткачам вино и сыры за ткань, несли мясо и хлеб кузнецам – за косы, топоры и пилы. Не было денег, а значит, не было менял, ростовщиков, займов и долгов.

Все это было здесь, в оживленном морском порту. У пристани огромные корабли покачивали мачтами в такт движению морских волн. Корабли привозили в порт товары из неведомых земель, рыбацкий улов и даже пиратскую добычу. Девочка пока не имела представления обо всем этом – ей предстояло еще многому научиться, многое узнать.

Над акваторией бухты возвышались башни. Их было несколько, и Га подумала в тот день, зачем городу так много сигнальных башен. Только вовсе эти башни были не сигнальные. Стены их смотрели на бухту глазами амбразур со зрачками стволов тяжелых береговых орудий. Башни были нужны для того, чтобы оберегать порт от нашествия неприятеля.

Амбразуры, закрытые деревянными щитами, были и в бортах пришвартованных кораблей – в один, два и даже три ряда. Га читала названия кораблей – слова странные, непонятные, незнакомые – и неожиданно обнаружила судно, на борту которого красовались большие буквы: «Морская ведьма». Теперь девочка не могла уже оторвать глаз от этого корабля.

Он был небольшим – всего по четыре деревянных щита в ряд на каждом борту. Паруса на двух его мачтах были собраны. На палубе сустились матросы. Вернее, «сустились» – неправильное слово. Каждый матрос был занят своим делом: одни – драили палубу, другие – таскали и крепили грузы, третьи – возились с такелажем, четвертые – со швартовыми концами. Корабль готовился отправиться в плавание.

На берегу, у трапа, стоял человек, которого Га немедленно и уверенно пожаловала в капитаны. Шкипер был облачен в просторный плащ, сшитый из грубой парусины. Плащ, пропитанный морской солью, был темен от влаги, весь в белых разводах. Капитан не потрудился зашнуровать края парусины, поэтому длинные, доходящие до колен полы плескались на ветру.

Ветер также трепал выцветшую седую бороду, пожелтевшую местами от табака. Этой светлой бородой, как рамкой, было очерчено лицо, почти черное от загара. Под мышкой капитана, на тонком ремне, был закреплен кинжал в кожаных ножнах. Обмотка рукояти была истрепана и засалена – ножом часто пользовались. На поясе висела короткая абордажная сабля. Шкипер молча наблюдал за работой матросов. Приказы были не нужны – неумех и лодырей среди матросов не было.

Девочка решительно направилась к пристани. Сотня шагов – и вот она уже глядит снизу вверх на человека, будто бы вытесанного из эбонитового камня. Капитан сперва даже не заме-

тил девочку. Он посмотрел по сторонам, стараясь понять, кто это требует от него тоненьким голоском:

- Возьмите меня на борт! Я должна отправиться в плавание на «Морской ведьме»!

Глава 11. БОСОРКУН

*«Я – ветер морской,
Я – волна морская,
Я – бык семи сражений,
Я – орел поднебесный,
Я – солнечный свет,
Я – прекрасный цветок,
Я – лесной вепрь,
Я – лосось речной,
Я – озеро на равнине,
Я – могучее слово,
Я – наконечник копья в бою,
Я – бог, разжигающий огонь в голове.
Кто посылает свет на горы?
Кто сосчитал годы луны?
Кто знает, где отдыхает солнце?»
«Высадка гаэлов»*

Кряжи отбрасывали длинные тени. Скоропостижная ночь нанизала на стрелы горного ветра острые наконечники холода. Взошла луна – еще не полная, но по-хозяйски сияющая в безоблачном небе. Это обнаженное голубое свечение заливало ложбину, по которой свершали восхождение три следопыта и земледelec.

Путники шли осторожно, прислушиваясь к ночному говору гор. Склоны жили загадочными движениями, шорохами, скрипами, эхом, игрой теней. Когда возникала угроза или даже подозрение на угрозу, колонна замирала, четверо прижимались к земле, стараясь не дышать.

Вот где-то внизу посыпался щебень: то ли порыв ветра обрушил небольшой навес, то ли лапа какого-то ночного животного потревожила породу, то ли грозный василикук пронзил камень злым взглядом. Крылатые тени скользнули по лику Луны. Ветердохнул тухлым зловонием.

- Гарпии! – одними губами предупредил идущий впереди колонны Налаз; путники присели и застыли живыми изваяниями.

Гарпии, духи ветра, согласно страшным рассказам, хватали цепкими лапами и сжирали все живое, что попадалось им на глаза. А глаза этих полудев-полуптиц в темноте видели намного лучше, чем при свете дня. Тени пронеслись к вершинам гор, в небе стих рваный клекот. Охотники продолжили путь. Конечно, это могли быть просто горные птицы, но рисковать не стоило.

Егор плелся последним – ставить его ведущим было бы не только бесполезно, но и опасно. Земледelec брел за тройкой следопытов, послушно останавливался по знаку, присаживался, замирал. Мысли его были не здесь. Он думал о том, жива ли еще его дочь, куда могла спрятать Гарафену Ведьма и почему девочку вообще потянуло к этой странной женщине. Да, Гарафена росла непослушным ребенком. Часто приходилось устраивать из-за нее «молчаливые» обеды или наказывать иным способом, и даже церемония обретения имени никак не повлияла на ее несносный характер. Но Гарафена была их – Егора и Насти – дочерью, а значит, найти ее нужно было непременно.

Егор вовсе не понимал, зачем Анастасия Егоровна послала гонцов к Босоркуну. Да и кто такой этот Босоркун? Существует ли он на самом деле? Все горожане знали, что он живет в горах, но никто его не видел. Ходили легенды, что много-много лет назад (люди столько не живут) Босоркун был одним из горожан. Нет, он не родился в городке, пришел невесть откуда, так же как и Ведьма во время оно. Да и был Босоркун кем-то, вроде Ведьмы: помогал бабкам принимать роды, врачевал скот и людей. Но не ограничивался этим.

Дом Босоркуна был наполнен странными вещами. Были здесь толстые книги на непонятных языках. Были статуэтки неведомых существ, вытесанные или отлитые грубо или искусно. Были шкатулки, наполненные украшениями из далеких стран – ожерельями, подвесами, браслетами, перстнями и кольцами. Были чаши и колбы – каменные, металлические, стеклянные. Некоторые сосуды были расписаны таинственными узорами и наполнены загадочными веществами.

Были странные разноцветные чеканные кругляши из различных металлов. Босоркун называл эти кругляши монетами. С одной стороны мастера-чеканщики изображали числа, а с другой – профили незнакомых людей, контуры животных, растения и плоды. По стенам было развешено странное оружие – горожане не пользовались таким ни на охоте, ни в поле, ни в строительстве. Были здесь изогнутые кинжалы, длинные тонкие клинки, широкие плоские обоюдоострые орудия, которым даже названия не придумали. Многие клинки были вложены в стальные, деревянные или кожаные ножны. Где добывал свои трофеи Босоркун, никто из горожан и представления не имел.

Если дом Ведьмы был построен в лесу, то дом Босоркуна врос в скальные изломы склонов. Каменотесы, если их хорошенько попросить, и сейчас могут отвести любопытного горожанина на то место, где стоял дом Босоркуна. Правда, ничего, кроме почерневших от времени, ветров, солнца и горной пыли бревен, там не увидишь, но горожане все равно ходили смотреть.

Говорят, были годы, когда Босоркун стал в городке чуть ли не самым главным жителем. Не таким, как Анастасия Егоровна, а по-настоящему главным – вождем и верховодцем. А началось все с того, что Босоркун научился управлять ветрами, тучами, дождем и снегом. В городке настала эпоха всеобщего благоденствия. Невиданные раньше урожаи радовали земледельцев. По полям ходили тучные стада коров, коз и овец. Животные давали в пять раз больше молока и в два раза больше потомства. Леса изобиловали дичью, грибами и ягодами.

И все благодаря Босоркуну и его колдовскому искусству. В городке это понимали и помощь Босоркуна ценили. Вселенские вопросы теперь не решали без его ведома и совета. Когда сеять, когда жать, когда на охоту идти, какие имена детям давать и сколько чего на зиму запасть – все это решал теперь Босоркун. И чего бы ему не решать, коль все на благо города и его жителей? Да стал колдун не просто советом помогать, а приказывать, а приказов в городке не любили. Взрослые же люди, не дети, чтоб чужие распоряжения выполнять. Особенно такие распоряжения, что все привычные представления о мире с ног на голову ставили.

Не верили горожане ни в каких богов, не строили храмов, не ставили идолов. В духов верили, с деревьями разговаривали, перед охотничьей добычей извинялись. А в богов не верили. Незачем было хозяев себе придумывать – работы было много.

Но Босоркун однажды притащил столярам странный рисунок. Рисовал колдун отменно. На большом листе он изобразил высокого худого старика с огромными глубокими глазами. Волосы у старика были не седые, а иссиня-черные, как крыло ворона. Да и ворон на рисунке присутствовал – сидел на костлявом плече старика, открыв могучий острый клюв, впившись когтями в длиннополый темный плащ.

- Кто это? – удивленно спросили столяры.

- Это Черный бог, - ответил Босоркун. – Равновес богу Белому. Без него рухнуло бы все.

- И сигнальная башня? – с подозрением спросил один из столяров.

- И сигнальная башня, - подтвердил Босоркун, - и дома ваши, и амбары, и хлева, и стойла. И весь город бы ваш рухнул, и деревья в лесу повалились бы, и даже горы осыпались и превратились бы в песчаную пустыню.

- О. как! – крикнули столяры. – Большой человек! Важный!

- Да не человек он! – раздосадовался Босоркун. – Он бог. Черный. Есть еще Белый. Между ними вечное противостояние.

- Спорят, значит? – спросил кто-то. – Так надо к соседям тогда за советом. Можно и вече собрать, если вопрос серьезный. Или к тебе пришли бы – поговорить. Как ты решил бы, так бы пусть и сделали.

Босоркун тогда промолчал, лишь обвел взглядом собравшихся мастеров и властно ткнул пальцем в рисунок. Приказал:

- Вот такую статую сделаете. В три человеческих роста.

- Зачем? – снова удивились мастера-столяры.

- На площади поставим, - резко ответил Босоркун. – Рядом с сигнальной башней. С другой стороны статую Белого бога установим. Научу вас богам молиться, благодарить их и о своем просить.

Сказал и покинул столярные цеха, ушел в свой скальный дом – наверное, портрет Белого бога рисовать. А мастера-столяры забеспокоились, совещание устроили – что-то совсем брат Босоркун странные песни запел. Слишком много книг перечитал, вот и разума лишился.

Порешили вече собирать. Побежали к сигнальной башне костер разводить, дымы пускать. Тогда еще не Пратеник за дым отвечал – каждый сам себе сигнальщиком был. Но с условием: кто костер развел, тот дрова-листья потом снова и таскает под крышу по крутой лестнице.

Запылал костер на башне, собралась, загудела толпа на площади. Мастера, перебивая один одного, поведали о непонятных просьбах-приказах всеми уважаемого колдуна. Рисунок показывали. Толпа загудела пчелиным роем, а потом неожиданно над площадью воцарилась тишина. Босоркун вышел в центр и замер, будто статуя этого самого Черного бога. Из первого ряда сделал несмелый шаг вперед седовласый земледелец с длинной тонкой бородой. Он всегда, как самый старший горожанин, говорил на вече, когда решение было готово.

- Ты не обижайся, любезный, - примирительно, почти застенчиво сказал старик. – Мы тебе многим обязаны, и совет твой всегда в городе будет силу иметь. Но не будем мы на площади статуи ставить. И нигде не будем. Слыхивали, что где-то, может, и делают так. А у нас не делают. Не наше это, чужое.

Помолчал Босоркун, развернулся резко, так что полы его плаща взмыли кругом, и удалился с площади быстрым шагом. Расступились люди, давая дорогу. С тех пор и не видели колдуна в городе. Кончилось благоденствие. Но поговаривали, что жив он по-прежнему, еще искуснее в колдовстве стал, что повелевает теперь не только ветрами да тучами, но и всем зверьем горным, всеми духами пещер и даже самими недвижимыми скалами. Да и со временем у него тоже близкие отношения, раз столько лет прошло, а он все еще жив...

Колонна остановилась так резко, что Егор, погруженный в свои мысли, чуть не уперся носом в спину охотника Трага. Вокруг произошли какие-то изменения. Какие? Егор понял: ветер кончился. Иссяк. Нет ветра больше. Совсем. Ни дуновения, ни слабого движения воздуха. Лишь тяжелое дыхание спутников и самого Егора.

- Смотрите, птица, - прошептал Пошук.

- Это аист, - так же тихо ответил Налаз.

- Ночью? – удивился Егор.

- Босоркун, - выдохнул Траг. – Он превращается. Идем следом.

Аист завис черным контуром на фоне голубой Луны. Потом широко взмахнул крыльями и скрылся за ближайшей вершиной. Следопыты двинулись в том же направлении.

Глава 12. МОРЕ

*«Но кто открыл землю «человек»,
открыл также и землю «человеческое будущее».
Теперь должны вы быть мореплавателями,
отважными и терпеливыми!»
Фридрих Ницше. «Так говорил Заратустра»*

- Конечно, госпожа! – шкипер коснулся полей тяжелой кожаной шляпы, почерневшей от времени, соли, ветра и солнца, как и плащ, как и сама кожа бывалого моряка. – Мы подготовим Вам лучшую каюту на «Морской ведьме» и не потревожим на протяжении всего пути.

- Тревожьте-тревожьте! – запротестовала девочка. – Я могу на кухне помогать, палубу мыть. Я многое умею, меня мама учила. И не нужна мне лучшая каюта. Любая подойдет.

- Эй, Брукс! – крикнул капитан. – Сколько на «Морской ведьме» свободных кают?

- Ни одной, капитан! – крикнул в ответ невысокий крепыш с борта судна.

Он появился у трапа в одно мгновение. Его голову покрывала серая вязаная шапочка. Широкие плечи были спрятаны под светлой полотняной рубашкой и безрукавным парусиновым жилетом. В левом ухе Брукс носил золотую серьгу с огромным камнем. Поверх коротких кожаных бриджей был накинута широкий пояс с такой же абордажной саблей, как у капитана. За голенищем правого сапога была видна рукоять рабочего ножа.

- При всем желании, госпожа, - «расстроился» капитан. – На «Морской ведьме» нет свободных кают. Разве что за сотню-другую золотых монет я могу уступить Вам свою каюту или каюту боцмана.

- За сотню монет я готов покачаться в матросском гамаке! - подтвердил боцман Брукс.

Га уже поняла, что над нею попросту смеются, но на всякий случай напомнила:

- Мне не нужна каюта. Я тоже могу – в матросском гамаке.

Шкипер и боцман все-таки не выдержали – рассмеялись в два голоса.

- Что ты, девочка! – назидательно сказал капитан. – Матросы – суровые люди. Даже боцман их немного боится, - добавил громким шепотом, так, чтобы все слышали. Боцман согласно закивал головой – боюсь, мол, ох, как боюсь. – Никак нельзя маленькой девочке в матросском кубрике.

- Я не маленькая, - Га задрала нос с горькой обидой. – У меня уже год как имя есть!

- И сколько же тебе лет? – удивился капитан.

- Семь! – сказала Га так, будто ей уже пора на заслуженный покой.

- Как же тебя звали целых шесть лет? – боцман спустился по трапу.

- Просто Девочкой, - Га пожала плечиками.

Капитан и боцман снова взорвались раскатами хохота.

- Просто интересно, - капитан тыльной стороной ладони вытер глаза, слезящиеся от смеха и ветра, - как же тебя зовут сейчас?

- В шесть лет Анастасия Егоровна дала мне имя Гарафена, - с готовностью ответила девочка; она решила, что раз завязался разговор, то есть еще надежда попасть на борт. – А сегодня я говорила с Ведьмой. Она объяснила мне, что каждое имя имеет значение. Иногда даже несколько значений. Мое можно перевести как «дорога Солнца», и теперь я зовусь просто Га – дорога.

- Что ж, девочка-дорога, - отсмеявшись, серьезно спросил капитан. – Сотни монет, как я понимаю, у тебя не найдется?

- Если честно, - призналась девочка, - я даже не знаю, что такое эти самые «монеты».

На лицах капитана и боцмана отразилось крайнее удивление. Рыбаки, торговцы, носильщики, прохожие, что в это мгновение оказались рядом, - все обернулись, услышав такое неожиданное откровение.

- Где же края такие? – наконец спросил шкипер. – Сколько видел островов, сколько морей переплыл, сколько городов посетил – везде с малых лет дети знают, что такое монеты. Другой еще говорить не умеет, а глядишь – к монетам ручонки тянет. Откуда же ты, девочка-дорога?

- Из городка, что за лесом, - Га махнула в сторону ворот и только потом вспомнила, что никаких ворот вверх по улице нет. Моряки глянули, куда указала Га, но, конечно, ничего нового там не увидели. – Мой город в долине, между лесом и скалами, - зачем-то добавила Га. – И у нас есть сигнальная башня.

- Чудеса, - не поверил шкипер. – Сигнальная башня есть, а монет нет. И вот что я тебе скажу, девочка-дорога: у кого нет монет, тому не место на моем корабле. Не знаю, как ты здесь оказалась, но возвращайся-ка ты домой, к папе и маме. А нам пора. Не так ли, Брукс?

- Все готово, капитан! – бодро подтвердил боцман. – Погрузка окончена, экипаж на борту. Ждем приказа.

Шкипер на девочку уже и не смотрел – он развернулся на каблуке и вслед за боцманом гулко затопал по дощатому трапу. Две слезы навернулись на глаза одинокой Га. Она совершенно не знала, что ей делать дальше. И сквозь эти две слезы, как сквозь увеличительные линзы, разглядела девочка Га над мачтами два распростертых крыла небесно-голубого цвета. Если бы не слезы, то и не заметила бы крылья на фоне неба.

Потекла над пристанью счастливая песнь, и так хорошо стало на душе, что слезы тут же высохли. А нет слез – так и крылья не видны. Растерялась Га: была ли птица Алконост, парила ли над мачтами, или так, показалось. Прищурила глаза, высматривала в небе голубые крылья, но тщетно. Да и песня стихла. Может, просто ветер в такелаже пел или волны по бортам скользили?

- Эгей, Моисей! – раздался грубый бас с борта «Морской ведьмы». – Говорят, к нам на борт какая-то мышь полевая просится?

Над фальшбортом, среди пеньковых вант, возникла грузная фигура. Человек был облачен в белую парусиновую куртку. Его непокрытая голова была абсолютно лысой и сияла на солнце. Окладистая черная борода скрывала нижнюю часть лица. Рукава куртки были закатаны до локтя. На предплечьях, от запястий до самых закатанных рукавов, красовались татуировки – якоря и рыбы. В правой руке верзила сжимал внушительных размеров тесак.

- Отдай ее мне, - грохотал бородач. – Ты обещал, Моисей! Еще три порта назад обещал!

При этих словах Га поежилась. Она хотела на борт, но попасть в лапы этому страшилищу – это уж слишком! Девочка хотела отправиться в плаванье к далеким островам, а не в желудок татуированного людоеда.

- Зачем тебе сухопутная мышь, Венс? – как-то слабо возразил капитан (оказывается, это его звали Моисей). – Ей всего семь лет, будет тебе не помощницей, а обузой.

- Мой камбуз, мне и решать! – отрезал Венс. – Пусти ее на борт, капитан. Дай глянуть. Коль и вправду мала, то тут же и ее спишем на берег.

- Что с тобой спорить, Венс? – махнул рукой шкипер Моисей. – Эй, девочка-дорога! А ты везучая. Может, и найдется тебе место на корабле. На камбузе, в кладовке кока. Поднимайся на борт! Понравишься брату, пойдешь в море на «Морской ведьме» кухаркой.

Га птицей взлетела по трапу. Вблизи кок показался еще более огромным. Но страха не было. Желания сбывались. Не зря же Алконост спела над бухтой, размягчила сердца суровых моряков, вытащила глыбу Венса на верхнюю палубу.

- Чистить овощи умеешь? – грозно спросил кок.

Га уверенно кивнула.

- Посуду мыть? Рыбу чистить? Перец перетирать? Рис от гречки отличить сможешь? А кастрюлю от сковороды?

Га радостно кивала в ответ на эти простые вопросы до тех пор, пока Венс не повернулся к Моисею с довольной улыбкой в черной бороде:

- Годится, - и обратился к девочке:

- В первый раз идешь в море? Ну, добро. Как выйдем из бухты, беги на камбуз. Работы много. А пока смотри в оба. Выход в море – это то еще зрелище. Липни к борту.

- Командуй, Брукс, - бросил шкипер боцману.

- Убрать трап! – крикнул Брукс, и два матроса ловко втащили деревянную конструкцию на борт. – Якорь в клюз! – еще двое налегли на рукояти кабестана, быстро выбирая якорную цепь, пока не раздался характерный звон: якорь вошел в обитый медью клюз. – Отжать шпиль! Отдать швартовы! Грот, грот-марсель по ветру! Ставь помалу! На руле - два румба зюйд-вест!

Двухмачтовое судно ожило, заскрипел такелаж, плеснули на ветру паруса. Матросы засновали по вантам. Жалобно всплакнули шканцы. «Морская ведьма», чуть завалившись на борт, отчаливала от берега. Девочка восторженно впитывала новые ощущения. Она отправлялась в первое плавание.

Глава 13. СДЕЛКА

*«По отношению ко всем живым существам,
которые не могут заключать договоры о том,
чтобы не вредить друг другу и не терпеть вреда,
нет ничего справедливого и несправедливого;
точно так же и по отношению ко всем народам,
которые не могут или не хотят
заключать договоры о том,
чтобы не вредить и не терпеть вреда».*
Эпикур. «Главные мысли»

После яростно бушующих ветров на склонах, как на стену, натолкнулись путники на полное безветрие скального плато. Штиль застал врасплох. Вот только что шквальные иглы ночи впивались в открытые участки кожи, ледяные наконечники вонзались в глаза, пробивали одежду, и вдруг – ни звука, ни движения, лишь тишина и покой.

- Его ветер, - тихо сказал Налаз. – Что хочет с ним, то и делает.

- И с нами делает, что хочет, - пробурчал Егор.

Но даже тихий шепот кощунственно громыхал в этом вечном покое. Никто больше не проронил ни слова. Охотники и Егор молча старались хоть что-то разглядеть в кромешной тьме: спрятавшись за склоном, почти полная луна лишила мир голубого сияния.

- Смотрите, - наконец прошептал Траг.

Не понять было, куда указывал охотник, однако все уже и так видели: желтое дрожащее эхо скрытого костра, пляшущие на близкой отвесной скальной стене блики. Вход в пещеру, где кто-то развел огонь. Надо было идти, хоть и страшно. Да что там! Страшно – не то слово, но что искали, то нашли. Не отступать же в двух шагах от цели.

В камине пылал огонь. Дым с грустной песней устремлялся из топки в трубу, откуда отправлялся блуждать по лабиринту пещер. У камина в дубовой качалке сидел человек средних лет, среднего сложения. Его ноги были укрыты клетчатым пледом. На коленях лежала книга, раскрытая на середине. Человек держал высокую ножку винного бокала меж пальцами левой руки; пальцами правой - вращал самописную палочку. На носу – радужные линзы очков в тонкой оправе белого металла.

- Смелее, смелее, проходите, не стойте в дверях, - не отрывая глаз от книги, человек поманил путников палочкой. – Дочитаю страницу - и я ваш, дайте немного времени.

Траг, Пошук, Налаз и Егор несмело протиснулись по одному в дверной проем (он же пещерный лаз) и оказались в полутемном помещении. Источников света было два: пылающие дрова в камине и высокий светильник у кресла-качалки. Что питало огонек светильника – воск свечи или магические силы – не разглядеть было за полупрозрачным абажуром.

Жилище Босоркуна было, по сути, воздушным пузырем в скале, или, вернее, несколькими пузырями – багровый занавес скрывал вход в другие помещения-пещеры. Чудесным образом в стенах жилища, прямо в скальной породе, были обустроены полки, где располагались всевозможные предметы: статуэтки, шкатулки, цветные маски, колбы, ножи – в общем, все, как в сказках и легендах. Самое почетное место на полках занимали книги – толстые и тонкие, в твердых переплетах и просто сшитые пачки листов, с потрепанными корешками и совершенно новые, будто еще не читанные.

Вдоль стен меж полками уютно втиснулись мягкие лежаки, тоже покрытые клетчатыми пледами. Путники осторожно расселись по диванам и замерли в напряженном ожидании. Босоркун читал.

Наконец, сделав пометку на полях, хозяин пещеры закрыл книгу и обвел гостей веселым взглядом.

- Век бы искали – не нашли, - радушно поприветствовал он путников. – Хорошо, что мои друзья предупредили. Полночи вас направлял к своей пещере. Ветром, шорохами, лунным светом, звериным рыком. А в конце и самому пришлось...

- Аист? – коротко спросил Траг.

- Нехорошо, Траг, перебивать старших, - назидательно заметил Босоркун. – Или Анастасия Егоровна не учила тебя? Знаю, что учила. Она мудрая, ваша Анастасия Егоровна. Иначе бы не ко мне делегатов направила, а заслала бы всех вас в темный лес, и блуждали бы вы бес толково в глухой чаще, и повезло бы вашему городишке, если бы хоть половина охотников вернулась назад, к семьям.

- Не Егоровна послала, - глухо отозвался Егор. – Весь город на вече решил к тебе идти.

- Это кто там? – прищурился Босоркун. – А, так это горемычный отец Гарафены, сын самой царицы.

- Нет в нашем городе цариц! – вмешался Пошук. – Сообща вопросы решаем, на центральной площади.

- Конечно, - не стал спорить Босоркун. – Нет цариц, нет стражи, нет управляющих, нет богов. И беглянок тоже нет.

- Беглянка есть, - понурились путники. – Но не сама она. Ведьма ее надоумила.

- Или не Ведьма, - вдруг хмуро бросил Егор.

- Или кто? – хитро улыбнулся Босоркун. – Или я? Почему ж нет? Ветрами повелеваю, страшилищами горными и лесными руковожу – что ж я, какую-то несмышленную девчушку невеликого разума не лишу?

Ночные гости виновато понурились перед хозяином. Но Босоркун вовсе не был зол. Подозрения Егора – напрасные или нет – только разбавили колдуна.

- Хотите - верьте, хотите – не верьте, но к бегству вашей барышни я не причастен, - весело сообщил Босоркун. – Ведьма ваша – пусть она женщина себе на уме, ехидная и коварная - тоже здесь ни при чем. А вот на твоём, Егор, месте, я бы крепко задумался.

- А что я? – недоуменно возмутился Егор.

- Кто Гарафене сказки рассказывал перед сном? – спросил с укором Босоркун. – Про далекие страны, про бескрайние моря? По острова, где нет болезней и бед, где нет обид и неправды, где нет расставаний и смерти? Кто приглашал в дом виноградарей с мехами молодого вина? Вина, от которого слова и мысли переносили из-за накрытого стола в сказочные

края? Не за твоим ли столом охотники и каменотесы шептались о мантикорах и мирмеколеонах, о духах и саламандрах?

- Да что ж в том плохого? – развел Егор руками.

- Что посеял, то и жни, - Босоркун передразнил жест Егора. – Забил девочке голову небылицами. Она и так у тебя была та еще мечтательница. Да и матрона ваша, Анастасия Егоровна, тоже учудила – Гарафеной назвала.

- Я был против, - пробурчал Егор.

- А чего ж не настоял? – с натиском спросил Босоркун.

- Так кто ж с Анастасией Егоровной спорить будет? – искренне удивился Егор.

- Ну да, нет в городишке цариц и управителей, - улыбнулся Босоркун с издевкой.

- Да и что такого в этом имени? – Егор пожал плечом.

- Не важно, - колдун даже отвернулся, чтобы показать, насколько это уже не важно, и теперь пристально смотрел в пламя очага, словно желая разглядеть там нечто значимое, неведомое. – Все равно девочку теперь зовут иначе.

- Что значит, иначе зовут? – Егор даже привстал от удивления.

- Ведьма разъяснила твоей дочери значение ее имени, - ответил Босоркун. - Но девочка слышала только то, что больше всего волнует ее сердце. От своего имени оставила она только первый слог. Была Гарафена, стала Га, девочка-дорога. Но не об этом, отец, стоит тревожиться тебе.

- О чем же?

- О том, как искать дочь твою в бескрайних морях, - Босоркун глянул на Егора лукаво; пламя в камине уже не интересовало колдуна.

- В морях? – снова осел на лежак Егор.

- В морях, - кивнул Босоркун. – Да не плачь ты, суровый горожанин! – рассмеялся колдун, заметив слезы на щеках безутешного отца. – Помогу, найдем твою беглянку. А вот без меня вам никак не справиться. Есть у меня и корабль, и команда, и куда плыть – тоже знаю. Погодите благодарить! – перебил колдун Егора и охотников, которые наперебой стали сыпать горячие благодарности. – Есть цена за мою услугу.

- Какая? – насторожился Траг.

- Царица ваша знает, - Босоркун неопределенно махнул в сторону городка; никто больше не стал спорить по поводу «царицы». – Переночуйте у меня, где сидите, там и спать ложитесь. Утром дам вам полоза в проводники, быстро в город вернетесь. Собирайте свое вече, и путь Анастасия Егоровна решает, буду я вам помогать или нет. Коль правильно решит, то заключим договор – не на словах, на бумаге.

Глава 14. КОК ВЕНС

*«Пища – это вода и земля,
ибо из них состоит пища.
Свет и ветер – это поглотитель пищи,
ибо посредством их он поглощает пищу».
«Айтарея-араньяка»*

Когда Га все-таки добралась до камбуза, Венс ловко пластовал тесаком большую рыбину. Одно мгновение – и на рабочем столе уже не целая туша, а два аккуратных розовых филе. Еще мгновение – и порубленный рыбий хребет, плавники и хвост отправились в кастрюлю, что стояла на полу под столом.

- На мателот все сгодится, - пробормотал кок и четкими движениями тесака стал считать розовые шматы рыбы в кастрюлю вслед за хребтом.

- А что такое мателот? – спросила Га не только из любопытства: надо было как-то обозначить свое присутствие, а то кок, увлеченный стряпней, не обращал никакого внимания на нового члена команды.

- А, помощница явилась! – Венс не отрывал взгляда от рыбы на столе. – Здесь – овощи, сюда – чищенные, - кок указал тесаком на две огромных ёмкости; одна была полна различных овощей – картофеля, кабачков, баклажанов, лука, моркови, а другая – совершенно пуста. – Пол потом выдраишь, помои – в ведро и за борт. Все ясно?

- Ясно, - кивнула девочка и сняла меховую накидку, которую подарила ей Ведьма; огляделась в поисках вешалки.

- Бросай в угол, - приказал кок. – Потом в сундук пристроишь. На сундуке же и будешь спать. Вон там, в кладовой, где провиант, - кок указал красным от рыбьей крови тесаком на маленькую дверь в стене. - Почистишь овощи, свожу тебя к Бруксу. Пусть выдаст годную амуницию. Тряпку эту твою первым же ветром в море сорвет. Вот матросам потеха будет!

Венс забухтел-захохотал, представив себе такую «потеху». Га сперва обиженно нахмурила бровки, но тут же решила не обид не таить. Моряки – грубый народ, нужно привыкать.

- А-ля мателот – это значит «по-матросски», - примирительно пояснил Венс. - Рыбный суп такой. Густой очень. Овощи припустим, мукой затянем, сыра натрем, маслин, лавра, перца душистого накидаем, посолим хорошо, с рыбной юшкой замесим – и под ром хорошо, и с похмеля неплохо.

- Спасибо, буду знать, - с благодарностью отозвалась Га: она оценила Венсову чуткость.

- А еще, - кок, видимо, ощутил прилив наставнического вдохновения, - мателотом называют корабль, который ближе всего с тобой в кильватерном строю. Так и говорят: «передний мателот» - это тот, что по бушприту; или «задний мателот» - тот, который следом идет, за ютом.

- А что такое «кильватерный строй»? Что такое «бушприт»? Что такое «ют»? – тут же посыпала вопросами девочка.

Кок посмотрел на помощницу с улыбкой.

- Чисть овощи, барабулька. Все узнаешь со временем. Третья луна не успеет уснуть, а ты уже будешь настоящим морским волчонком. Вот, держи. – Кок, отложив на миг тесак, совершил правой рукой магическое, почти незаметное движение, и короткий ножик воткнулся в желтую картофелину. – Теперь он твой. На судне без ножа – никуда. Не расставайся с ним. Можешь даже имя ему придумать. Нож на корабле – лучший друг.

- Ваш нож, Вы бы и назвали, - вежливо предложила Га.

- Теперь уже твой, - возразил кок. – Но свой первый нож я назвал Алексеем. Долго мне служил, пока не сточился весь.

- Почему Алексеем? – удивилась девочка.

- Это тебе и помощник, это тебе и защитник. Хорошее имя, - охотно пояснил Венс.

- Пусть и мой будет Алексеем, - решила девочка. – В память о Вашем.

- Как скажешь, - согласился кок.

Алексей оказался ножом острым, но покладистым. Его рукоять была туго обмотана полоской черной бычьей кожи и тепло ложилась в ладонь. Лезвие клинка изгибалось полумесяцем, колкий носик был дерзко вздернут к незаточенной стороне.

Алексей и Га резво принялись за дело. Чистка овощей не требовала каких-либо особых, морских навыков. Га частенько помогала матери на кухне, с малых лет готовясь быть женой и хозяйкой. Гора очистков росла, кастрюля наполнялась чищенными овощами.

- Плесни воды, чтобы картофель не чернел, - напомнил кок, и Га послушно добавила воды, несколько раз черпнув из полного бака.

- А Вы и вправду приходите к капитану братом? – поинтересовалась Га, чтобы оживить беседу.

- Порты разные, да корабль один, - ответил Венс и усмехнулся, заметив, что девочка ничего не поняла. – Отец у нас был общий. От него корабль нам и достался. А матери – у каждого своя.

- Понятно, - кивнула Га. - А куда направляется корабль?

- Вот те на! – воскликнул Венс. – Прыгнула на борт «Морской ведьмы», а куда идем, не знаешь?

- Одна женщина в лесу назвала меня девочкой-дорогой, - ответила Га. – А куда эта дорога ведет, не сказала.

- Понял, - кивнул кок. – Тебе не важно, в каком направлении идет корабль, не важно, с какой скоростью. Главное – не останавливаться.

- Главное – не останавливаться, - зачарованным эхом отозвалась Га.

- Вот и не останавливайся, - подбодрил кок, заметив, что девочка немного замечталась и перестала уделять овощам должное внимание.

- А почему Вы готовите эти самые а-ля мателоты на кухне...

- На камбузе, - поправил Венс.

- На камбузе, - согласилась девочка, - а Ваш брат командует кораблем?

Венс исподлобья глянул на собеседницу, но все же ответил:

- Сколько стран, сколько островов, сколько портовых городов довелось повидать мне на своем веку – не сосчитать. И в каждой гавани знал я много разных женщин. И – не пове-ришь – каждая из них задавала мне один и тот же вопрос: «Венс, а почему ты кок, а брат твой капитан?»

- И что Вы им отвечали? – наивно улыбнулась Га.

- Ничего, - Венс обошел рабочий стол и забрал у девочки кастрюлю с чищенными ово-щами. – После этого вопроса я прощался с ними навсегда.

Кок бросил кастрюлю на растопленную плиту. Рядом пристроил вторую емкость, напол-ненную кусками рыбы.

- Остальные дочистишь потом, - распорядился он. – К ужину. А пока залей рыбу водой до половины, потом прибери тут все, и отправимся к Бруксу. Будем из тебя юнгу делать.

- Простите, - Га чувствовала себя виноватой из-за глупого вопроса. – Я не хотела Вас обидеть.

- Пустое! – добродушно улыбнулся Венс. – Ты ж без умысла.

- Какой же тут может быть умысел? – искренне удивилась Га.

- О! – рассмеялся Венс. – Ты не знаешь женщин! Весьма, скажу я тебе, меркантильные создания. Если женщина спрашивает мужчину, почему дела обстоят так, а не иначе, то вовсе не в том ее истинный интерес.

- А в чем?

- На самом деле женщина спрашивает: «Почему же ты такой балбес, упускаешь выгоду, позволяешь себя обмануть? Почему довольствуешься малым, когда мог бы претендовать на большее?» - вот что на самом деле спрашивает женщина!

Га даже втянула голову в плечи – так ей было стыдно. Ведь именно такие мысли воз-никли в ее по-детски бесхитростной головке. Неужели она такая же меркантильная, как те жен-щины, которых повидал в своей жизни Венс? Значение слова «меркантильный» было туман-ным, оттого еще более зловещим и оскорбительным.

Но кок пребывал в замечательном расположении духа. Руки он сполоснул прямо в кастрюле с овощами, где вода уже успела нагреться. Потом вытер ладони о парусиновую куртку, плеснул себе чего-то крепкого из пузатой бутылки и добродушно глянул на свою новую помощ-ницу.

- Ну, скажи, барабулька, какой из меня капитан? – весело спросил лысый здоровяк, выудив из черной бороды уже полупустой стакан.

- Отличный бы вышел шкипер! – уверенно отчеканила «барабулька».

Венс растаял, глаза его заблестели тепло и задорно.

- Проголодалась? – спросил кок и, не дожидаясь ответа, в пять движений соорудил два щедрых бутерброда: хлеб, пласт вяленого балыка, половина свежего огурца. Один оставил себе, а второй протянул девочке. И только впившись зубами в жесткое рыбье мясо, Га поняла, насколько голодна.

– Говоришь, знатный вышел бы шкипер? Может, и вышел бы, - Венс снова плеснул себе в стакан, с сомнением посмотрел на Га, но передумал и отставил бутылку. – Да только сам я не хочу. Моисей юнгой начинал. Не поймешь, ходить раньше научился или по вантам лазать. Он и мать-то свою почти не видел. Вся жизнь его – с отцом на «Морской ведьме». А я, наоборот, с матерью вырос, помогал ей в таверне, там и стряпать научился. Потом сгорела таверна. И мать моя... Выпила много, спала крепко. Мне лет двенадцать тогда было. Подался в порт, взяли на судно. Вот как тебя – помощником кока. Потом в шторм попали, «Морская ведьма» нашу шлюпку на седьмой день подобрала – мы уже соленую воду собирались пить. Капитан любил поговорить вечерами, особенно в штиль. И чужие истории любил слушать. Однажды он услышал мою. Все сошлось: порт, таверна, имя, время, моя внешность, описание моей матери... Так и встретил отец сына, а сын отца. И брат брата. А шкипер из меня никакой. Уж лучше я буду готовить мателоты - они у меня выходят отменные. Ты уж, барабулька, поверь коку Венсу.

Глава 15. ТАЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

«Тайна – последний шаг науки

и первый шаг религии».

Алексей Сергеевич Богомолов

о Герберте Спенсере

и его философских взглядах

Желтая река струилась меж камней. Казалось, что сами валуны ожили или расплавились, обрели дар движения, превратились в поток и теперь неумолимо бегут вязкой массой по склону – вниз, к подножию горы.

Охотники и Егор спускались следом за полозом, в опасливом отдалении. Вербовкой не обвязывались, друг за другом не держались: теперь было незачем – с таким-то проводником нечего бояться коварных ловушек скального мира. Разве что сам полоз вздумал бы проглотить ближайшего путника или смахнуть в пропасть одним движением хвоста всех четверых разом. Кто знает, какие недобрые мысли роятся в плоской голове огромного змея?

И пусть Босоркун строго наказал своему слуге проводить гостей в городок целыми и невредимыми, но, как говорят люди, кто сам себя не бережет, того и солнца луч сожжет. Потому и шли следопыты за своим провожатым на порядочном расстоянии.

И вот последний уступ как граница нехоженных, заповедных мест. Под ним – рукотворные плато пред шахтами и карьерами каменоломен. Там – стук кирок, мычание выючных животных, переключка погонщиков, шахтеров и каменотесов. Там – люди; там – привычная, понятная жизнь.

Полоз свернулся в кольца, высоко поднял плоскую голову и, слегка покачиваясь, будто в такт какой-то внутренней мелодии, замер надолго. Если бы кто из горнорабочих и вскинул взгляд, то все равно не различил бы желтое тело гигантской змеи на фоне желто-серых скал. Полоз равнодушно, а потому еще более грозно озирает копошение людей под уступом.

Егор вздрогнул - древний ужас проник за ворот, обвился вокруг горла и потянул скользкие щупальца к груди и животу. Не было сладу с этим первобытным страхом. Егор думал о том, что живут же в горах огромные змеи, неуязвимые баныши, зловонные гарпии, огненные

саламандры... Да мало ли неведомых тварей живет в горах? И в лесу свои страсти – там тоже сотни, тысячи смертоносных обитателей. И сумеет ли справиться вся рабочая бригада, что мирно суетится сейчас внизу, на плато, даже с одним таким полозом?

Так что же держит всю эту неодолимую силищу на границе человеческого мира? Кто мешает этой напасти хлынуть в долину круговой волной и затопить ничтожный городишко, погубить в одно мгновение и горожан, и хрупкие плоды рук человеческих? Кто управляет этой волшебной мощью? Неужто лишь один Босоркун? Или сам Босоркун – всего только еще один воин в войске неведомого полководца, еще один инструмент в чьих-то всевластных руках?

Полоз тем временем обратил к путникам грозную морду, поиграл раздвоенным языком на прощание и быстро, в одно движение, распрямил кольца – почти беззвучно заструился в сторону, вверх по склону. Его миссия завершилась здесь, на уступе. Подопечные доставлены в целости, дальше – не его, полоза, забота.

- Хорошо, что не нужны ему, - вздохнул с облегчением Налаз.

- Хорошо, что всем им не нужны, - тихо сказал Траг, будто прочитав Егоровы мысли.

Камни породы беспокоились под ногами - они ожидали человеческих шагов целую вечность. Камни оживали, камни весело устремлялись вниз, увлекая за собой хоровод собратьев. Рабочие на плато вскинули головы – следопытов заметили, их ждали, их встречали радостно.

Хотели тут же послать гонцов – через виноградники, по улицам, к площади – собирать горожан на вече, но путники просили не торопиться. До разговора с Анастасией Егоровной вече не собирать. И никто не стал спорить. Это верно: сперва бы с Анастасией Егоровной переговорить, а там, как решит, так и запалит Пратеник черный дым на сигнальной башне.

Анастасия Егоровна ждала в доме, навстречу не вышла. Егор переступил порог первым – все-таки это и его дом. Траг, Налаз и Пошук стали за его спиной. Если в горах, в краю неведомых опасностей, неуклюжий земледелец плелся замыкающим, то здесь, пред светлыми очами, путников ожидали страхи иного рода, а потому следопыты отступили и дали слово Егору. Егор чуть помолчал, перемялся с ноги на ногу, а потом слово за слово – да и поведал матери обо всем, что видел и слышал в пещере Босоркуна.

Сидела Анастасия Егоровна на широкой скамье, застланной теплыми мягкими шкурами. На голове – высокая кика, будничная, на каждый день, без каменьев. Поручи из тяжелого стеганого бархата до самых предплечий. От плеча – вздутые фонари полурукавов. Из-под кики – орнаментные серьги, большие, древние, почерневшие от времени. Из-за кики – заплаканное лицо Насти, невестки. И Настя за спиной Анастасии Егоровны, и почтенные матроны по правую и левую руку, и сама величественная старуха – все слушали Егора внимательно, не перебивая.

Когда сын закончил рассказ, властная мать долго молчала. Потом, не двинув головой, обратилась к невестке:

- Что скажешь, Настя? Много просит Босоркун?

- Ерунду просит, - не задумываясь, откликнулась из-за спины Настя. – Почему не дать? Нам-то что? Пусть себе тешится, лишь бы Гарафену в город вернул.

- Бестолковая ты, - вздохнула Анастасия Егоровна – вздохнула, скорее, с жалостью, нежели со злостью. – Все вы бестолковые. Дальше своего носа не видите. Дочь они хотят вернуть! Между прочим, она и мне не чужая – внучка все-таки. Но горожанам пристало о городе думать, а вы о близких заботитесь.

- Хорошо близкому – хорошо семье. А семье хорошо, так и городу неплохо, - пробурчал Егор.

- Говорю же – бестолковые, - вновь беззлобно, с материнской заботой убедилась Анастасия Егоровна. – Ну да ладно! После обсудим. Вече завтра соберем, а пока хочу с семьей остаться. Давно сына не видела, соскучилась, есть о чем поговорить.

Матроны понимающе зашелестели нарядами, удалились группками, перешептываясь, как бы по собственной воле, не по приказу. Охотники кивнули уважительно и тоже покинули дом – спешили порадовать жен и детей благополучным своим возвращением. Настя по приглашению матери присела на лавку рядом с нею, Егор подошел ближе.

- Ночью к лесу пойдете, - без каких-либо вступлений объявила Анастасия Егоровна. – Утром, с первыми лучами – назад.

- Да зачем же? – не поняла Настя.

- Незаметно проберитесь в Ведьмин дом, - пояснила матрона. – Мне бы самой с нею встретиться, да не скроешься от свиты моей.

- Не живет там больше Ведьма, - напомнил Егор.

- Да как жить-то, если сами же на нее облаву с факелами-собаками устроили? – Егоровна развела руками. – А вот когда тихо, по-семейному, по-дружески, глядишь, и простит вас, придет на встречу.

- Не захочет она с нами видаться, - грозно предупредил Егор. – Остережется.

- А ты не ерепенься, - рассмеялась мать. – Тоже мне, злой драчун выискался. В горы раз сходил, так теперь героем фырчит.

- Ведьма дочь нашу выкрала, - сжал кулаки Егор. – Как же с ней? Целоваться, что ли?

- Будет она с тобой целоваться! - Настя прыснула, глянув на мужа.

- Целоваться не нужно, - строго предупредила Анастасия Егоровна. – Но и винить ты ее погоди – может, все не так, как мнится.

- Что ж не так? – удивился Егор. – Весь город знает: опутала чарами Гарафену, уволокла в лес поневоле.

- «Весь город знает» - это еще не довод, - урезонила сына Анастасия Егоровна. – Девочка у вас... необычная. Кто скажет, какие мысли в голову к ней постучали?

- Где ж это видано, чтобы человек из города бежал? - возмутился Егор. – От отца-матери к зверям лютым?

- Не было такого, - согласилась Анастасия Егоровна. - У нее самой бы спросить.

- У Гарафены? – уточнила Настя.

- Хорошо бы и у Гарафены, – кивнула Егоровна. – Да только кто ж ее найдет-то? А Ведьма сама объявится. Если не виновата, то захочет поговорить. Где же еще с Ведьмой встречи искать, как не в ее доме? Ночь не поспите, может, и к пользе будет.

- А если не придет? – резонно спросила Настя.

- Не придет – так ее забота, - пожалла круглыми полурукавами матрона. – Наше дело – попробовать. Босоркун много знает, больше нашего, а в договорном деле так: кто больше знает, того и выгода. Тут бы разобраться, кто наш друг, а кто нам враг. И только потом вече собирать. Народу «давай!» горланить, что репу тянуть. А тут с умом надо бы. Справитесь?

- А что делать? – нехотя согласился Егор.

Боязно было идти к Ведьме в гости, да еще и ночью. Вон что с ребенком сотворила! Как уберечься от дурмана? Как разум не потерять? Вдруг весь двор в колдовских ловушках и охранных заклинаниях?

- Напои, Настя, мужа вином, - попросила-приказала Анастасия Егоровна. - И сама выпей. Так, чтобы наверняка уснуть. Ближе к ночи я вас разбужу. Ни слова никому. Дело это такта требует – не каждый разумеет.

Глава 16. КОЧЕВОЙ МАТРОС

*«Три одноглазые дочери Галатина
последовали ее совету
и поехали сначала в Альбан,*

*а потом дальше и дальше,
побывали во всех странах,
какие только есть под солнцем,
и научились всякому колдовству,
какое только известно на земле.
Потом они возвратились в Круахан».
«Кухулин из Муиртемне»*

Ведро с помоями было не таким уж тяжелым – даже для семилетней девочки. Но перетащить эту дурно пахнущую посудину от двери камбуза к борту так, чтобы не расплескать содержимое по шаткой палубе, оказалось задачей непростой. Стоило выпрыгнуть рыбьим потрохам и овощным очисткам из ведра, и девочке пришлось бы драить всю палубу.

Га выжидала, когда бриг окажется на гребне волны или, наоборот, - в яме между двумя волнами, поднимала ведро двумя руками, делала несколько быстрых шагов и вновь водружала ношу на палубные доски. Путь, что занял бы на суше считанные мгновения, здесь, в открытом море, превратился в изматывающее испытание.

У борта на бухте каната сидел матрос. Три мастера – солнце, ветер и морская соль – долгие годы работали над парусиновой рубашкой с широким воротом, чтобы придать ей характерный «матросский» цвет, неподвластный слову поэта, непостижимый чутьем художника. Га убедилась со временем, что рубахи всех матросов были выкрашены теми же живописцами.

Внешность матроса имел необычную, удивительную. Из-под банданы выглядывали черные жесткие бакенбарды. Широкие низкие скулы, круглые мячи щек, плоский нос, бронзовый загар – все это придавало круглому лицу забавный вид. Но самыми удивительными показались девочке глаза – черные точки зрачков, утонувшие в узких косых разрезах глазниц. И еще подбородок, гладкий, будто не знакомый с бритвой, и это у взрослого человека! Никогда Га не видела еще таких необычных лиц.

Вокруг матроса были разложены ножи, кинжалы, сабли в большом количестве. Видно было, что эти предметы частенько бывали в употреблении: стальные лезвия иззубрены, кожаные ручки засалены, эфесы – в рубленых шрамах. Один из клинков матрос пристроил меж коротких кривых ног на грязной тряпке и обхаживал точильным камнем. Монотонное «вжик-вжик» сливалось с ритмом морских волн в единую мелодию.

- Девочка встретила невиданного зверя? – весело спросил точильщик, не поднимая головы, не прерывая работы.

Га поняла, что бессовестно разглядывает матроса, а ведь это ужасно не вежливо и любому может не понравиться. Нужно было извиниться и тащить дальше свое ведро с помоями. Но, похоже, матрос был вовсе не в обиде. Он подмигнул Га и поманил пальцем. Девочка подтянула ведро еще на пару шагов к борту.

- Ты пассажирка или новый юнга? – прищурился матрос, отчего глаза его превратились в щелочки.

- На кухне помогаю. Ой, на камбузе, - ошиблась, но тут же поправила себя девочка.

- Приставлена к Венсу, - усмехнулся матрос. – Он суровый моряк.

- Я его не боюсь, - пожал плечиками Га. – Он добрый.

- Дениз, - представился матрос. – А как зовут нашу повариху?

- С именем у меня все сложно, - вздохнула Га. – Год назад я была просто Девочкой. Потом Анастасия Егоровна назвала меня Гарафеной. После чего я убежала...

- Убежала из-за того, что тебя называли Гарафеной? – удивился Дениз.

- Нет, - пояснила Га. – Совсем не их-за этого. Мне стало как-то... скучно. Как представила, что вот так – поле, дом, стол, Анастасия Егоровна. И я среди всего этого – Гарафена, всегда – Гарафена. До тех пор, пока у меня не появится сын.

- А что тогда? – заинтересовался Дениз.
- Тогда мне муж даст новое имя, - вновь вздохнула Га.
- Еще одно? – забеспокоился матрос. – Сколько же их всего?
- Последнее, - успокоила Га. – Потом один путь – в старухи.
- Это где же такие законы?
- В маленьком городке, в долине, что лежит между горами и лесом.
- И нет у вас моря? – серьезно спросил матрос.
- Моря нет, - пожаловалась Га. – Никакого моря. Но есть реки, озера. В реках и озерах рыба...

- Да, от всего этого можно и сбежать, - согласился Дениз. – «Один путь – в старухи». Незавидная судьба. А твои папа и мама? Они живы?

- Конечно, живы! – Га даже замахала ручонками, чтобы отогнать плохие слова и мысли. – Егор и Настя. Папа работает в поле, а мама ему помогает. И за домом следит.

- Ты сбежала не только от судьбы, - заметил Дениз. – Ты сбежала еще и от родителей. Они знают, где ты теперь? – Девочка покачала головой. – Плохо, очень плохо. Наверняка они беспокоятся, твои Егор и Настя, ищут свою дочь. Есть у тебя братья-сестры?

- Анастасия Егоровна маму Настей назвала, - ответила Га. – Сызмала готовила ее в невесты своему сыну, моему папе. А папа имени жене еще не давал – нет у нее сына. Да и дочь одна.

- И единственная дочь взяла да и сбежала, - Дениз поднял наточенный клинок и поиграл солнечными бликами на лезвии; глаза его вновь превратились в щелочки.

Га почувствовала себя неуютно. Чтобы скрыть неловкость, девочка подняла ведро с помоями и опрокинула содержимое за борт. Дениз проворно вскочил на короткие ноги и ёмко, по-матросски, выругался. Бурые брызги усеяли бухту каната, ту самую, на которой мгновение назад восседал точильщик.

- Мы идем на лиселях, - Дениз наконец смог обратиться к девочке спокойно. – О чем тебе это говорит?

- Ни о чем не говорит, - честно призналась Га.

- Лисели – это вон те боковые паруса на лисель-спиртах, - терпеливо пояснил Дениз. – Их ставят на слабых попутных ветрах. Попутных! От юта к баку! Что ж ты льешь от кормы? И это замечательно, что ветер слабый. Иначе пришлось бы тебе драить весь генгвей да стирать мою рубаху. А так займешься только бухтой. Держи тряпку. Смочи водой из миски – я в ней точильные бруски выдерживаю.

Га горячо извинилась и принялась за работу. Дениз улыбался, наблюдая за трудолюбивой девочкой.

- Так что там с твоим именем? – напомнил матрос.

- В лесу я встретила Ведьму, - девочке нечего было скрывать. – Ведьма сказала мне, что «дорога» - это одно из значений моего имени. Каждое имя что-то означает...

- Это правда, - перебил матрос. – В моих краях имя «Дениз» означает «море». Хотя никто из моего олоса никогда не видел моря. Только степи.

- Олос – это город? – поинтересовалась Га.

- В моих краях не строят городов, - вздохнул Дениз. – Мы кочуем, убегая от холода и голода зимы, ставим шатры и пасем коней в разных степях. Перекати-поле: сегодня - здесь, а завтра – там. Продолжай. Ты так и не сказала, как же тебя называть.

- Ведьма научила, что у моего имени много значений, - послушно продолжила девочка. – Кто-то находит в имени «Гарафена» слово «горе»; для них я – «горюющая». Кто-то переводит «рожденная ногами вперед». Кто-то переводит «дикая лошадь»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.